

ДРУГИЕ
МИРЫ

Алиса Дорн

ИНСТИТУТ МОИХ
КОШМАРОВ

АДСКИЕ КАНИКУЛЫ

Annotation

Когда от отчаяния хочется бежать, куда глаза глядят, стоит все-таки смотреть на дорогу. Иначе можно оказаться в странном месте, где неспешно текут огненные реки, а стеклянные шпили небоскребов пронзают полные пепла небеса. Опасность поджидает здесь на каждом шагу, шансы на возвращение минимальны, и дружба с демоном уже не поможет.

Да и друг ли он?

Ясно одно: в этом странном мире правда принимает самые причудливые очертания.

Алиса Дорн

Институт моих кошмаров. Адские каникулы

© А. Дорн, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть I

Почти нормально

Есть два способа быть понятым: через истинную любовь и через чистый разум.

Даниэль Кельман

Глава 1

Золото в крови

– Господин ректор, что вы скажете в ответ на обвинения студенческого парламента в недостаточной прозрачности годовых отчетов университета?

Сотканное из дыма щупальце задумчиво свернулось в клубок и снова распустилось в воздухе. Имея достаточный опыт общения с ректором, я предположила, что, будь он человеком, пожал бы сейчас плечами.

– По документам, обнаруженным бело-красной коалицией... – «Обнаруженным»? Я бы сказала, нагло украденным из бухгалтерии. – ...в прошлом году на расширение кампуса ГООУПиОАатСДиРН было потрачено тридцать миллионов, включая восемь миллионов, которые пошли на строительство нового здания для Института оккультных наук. Однако в бюджете на прошлый год указано, что на статью расходов «строительство и ремонт недвижимого имущества» официально «Хантерс Инкорпорейтед» выделили двадцать шесть миллионов. Представители студенческого парламента интересуются, откуда взялись еще четыре и на каких условиях?

Странные они вообще, эти представители парламента. Вот если бы наоборот, если бы ректор зависил стоимость строительства и потребовал дополнительные деньги на его окончание, распилил полученную сумму и построил в итоге все по минимальной себестоимости с нарушением всевозможных СанПиНов, тогда бы я поняла интерес. А сейчас – ну потратили на вас деньги, радуйтесь, не вам же платить придется! Но мое дело было просто озвучить вопросы и положить запись интервью на стол Оливеру.

– Мы...

Голос ректора действительно звучал как «мы»: тысячи шепотков, полных ужаса, тоски, безысходности. Ходили слухи, что ректор говорил голосами своих жертв, чьи души потреблял на законном основании. Я не торопилась считать их простой выдумкой: у ГООУПиОАатСДиРН была очень строгая политика по отношению к академической неуспеваемости. Не можешь осилить учебную программу? Добро пожаловать на тот свет.

– Мы желали бы поблагодарить представителей парламента за их энтузиазм, однако хотим напомнить, что взлом серверов административных сервисов является нарушением правил университета. И мы знаем, кто его совершил...

На последних словах в комнате ощутимо повеяло холодом.

– Тем не менее я должна повторить вопрос: откуда взялись деньги на новый корпус? – продолжила упорствовать я.

Будучи в кабинете ректора (если можно назвать кабинетом темное пространство, в котором не видно ни стен, ни потолка, ничего – только мрак и полупрозрачные, но вполне материальные щупальца) в роли сотрудника студенческой газеты, а не нарушителя местного «свода законов», я могла не опасаться прозвучавшей в его ответе угрозы, она относилась не ко мне. К тому же за полгода общения с ректором я уже... привыкла к нему. Подумаешь, сотни тентаклей, возникающих непонятно откуда. Подумаешь, странный голос – у людей с ангиной и не такой бывает. Должно быть, защитный механизм психики: в ГООУ быстро перестаешь бояться странностей, иначе тут не выжить.

– Кроме денег, выделяемых многоуважаемой «Хантерс Инкорпорейтед», – прошелестело чудовище, – важным источником финансирования университета являются пожертвования

наших выпускников, которым, как и нам, небезразлична судьба будущих поколений.

– Хотите сказать, что и эти четыре миллиона кто-то подарил университету?

– Да. В последний момент, поэтому его пожертвование не могло быть учтено в предварительном годовом бюджете.

– И как зовут этого филантропа? Полагаю, его пример мог бы вдохновить многих других...

– Он пожелал остаться неизвестным, – за мягким шепотом проскользнула сталь. – И мы только поощряем анонимность спонсоров. Однако можем уверить, что, как и нас, его искренне заботит процветание университета.

Хотела бы я знать почему. ГООУПиОАатСДиРН (не спрашивайте, как это расшифровывается) был уникальным местом: единственное высшее учебное заведение для существ сверхъестественного и потустороннего происхождения. Читай: магов, разнообразной нечисти (как говорил один мой хороший знакомый, «легче сдохнуть, чем перечислить их всех»), нежити и демонов. Вся эта братия с восемнадцати до двадцати двух лет (кто хотел – дольше) обреталась посреди пустыни, расположенной на Границе (именно с большой буквы, иначе, видимо, недостаточно пафосно) между Землей и Адом (также известным как Темный мир, Нижний мир, Аид, Преисподняя, Миктлан и прочая, и прочая). Зачем? Официально студенты получали возможность обучаться таким традиционным для магического сообщества специальностям, как алхимия, артефакторика, демонология и некромантия, а также учились контролировать свои способности, дабы не причинять вред окружающим. Неофициально... Учеба в ГООУПиОАатСДиРН была обязанностью, а не правом. Университет был основан Охотниками, жутковатой организацией, следившей, чтобы сверхъестественное не особо притесняло обычных людей. И обучение в нем было одним из требований Договора (снова большая буква), положившего конец преследованиям ведьм и колдунов (в массе; одиночные нарушители этого самого Договора до сих пор преследовались и уничтожались), бумажки, суть которой сводилась к одной фразе: «Пока вы никого не трогаете, мы вас не трогаем». Зачем Охотникам это было нужно? Лично я подозревала, что все дело в наблюдении. На четыре года Охотники получали возможность непрерывно следить за каждой потенциальной угрозой, могли оценить уровень их способностей и при необходимости убрать с доски тех, кто представлял опасность: мало ли, какие только несчастные случаи не происходят во время обучения. С другой стороны, я была не чужда паранойи, а теории заговоров с момента поступления в ГООУ стали моим любимым хобби, так что не слушайте меня. Я не лучший эксперт в этой области.

Задав еще несколько вопросов и записав ответы, я поспешила попрощаться. Хотя ректор мне был не страшен, его присутствие все равно давило. Получив разрешение уйти и обнаружив у себя за спиной внезапно появившуюся дверь, я прошла в приемную, где была остановлена секретарем.

– Мадемуазель Соколова, – мужчина лет тридцати, одетый в немного старомодный костюм-тройку, поднялся мне навстречу. – Как прошло интервью?

– Хорошо. Как и всегда.

Светлые выцветшие глаза, единственное в облике четырехсотлетнего колдуна, что выдавало его истинный возраст, пристально изучили мое лицо.

– Вам неприятна тема студенческого парламента, – заключил он.

– Это не мое дело. Я только задаю вопросы.

Я вообще не любила политику. Поэтому очередную идею руководства

ГООУПиОАатСДиРН, как сделать ГООУ еще более похожим на нормальный человеческий вуз (Чего ради они старались? С Оккультным институтом и ректором-Ктулху затея была заранее обречена на провал.) и добавить демократии в процесс управления университетом, не одобряла. Даже в мире обычных людей нужно было обладать определенным складом характера, чтобы стать политиком. Здесь – чтобы не побояться в случае чего пойти против ректора, пугающего хтонического существа, родившегося на заре времен? Скажем так, по возможности я старалась избегать наших парламентариев. И была очень рада тому, что демонам, несмотря на все их возмущение, не разрешили участвовать в выборах. Иначе избирательный процесс принял бы совсем неприятный оборот...

– Я вам еще нужна, мессир?

Мессир Джонатан задумчиво – и раздражающе – постукивал пальцем по переносице. Отчего-то у меня возникло впечатление, что, несмотря на невысказанный вслух ответ, он и так узнал все, что хотел.

– Возможно. Поскольку вы лучше знакомы с человеческим миром... Вы знаете, как обычные университеты празднуют юбилей своего основания?

Я кинула взгляд на его рабочий стол: отдельной стопкой на нем лежали студенческие журналы, посвященные празднованию знаменательной даты в вузах по всему миру. И несколько подростковых романов про колледжи: мало знакомый с двадцатым первым веком, мессир нередко обращался к ним за информацией, ошибочно полагая, что массовая культура правдоподобно отражает реальность.

– Нет. Я же никогда там не училась.

Мне не оставили ни единого шанса. По окончании школы прислали приглашение и сказали, что так уж вышло, Наташа, что ты ведьма, поэтому добро пожаловать в магическую академию. Отказ не принимается.

Разочарованно взмахнув рукой, мессир Джонатан показал, что больше я ему не нужна. Выйдя в коридор, а оттуда в залитый солнечным светом холл, я с удовольствием прикрыла глаза. Нет, все-таки присутствовало и в мрачном ректорском кабинете, и в его приемной ощущение какой-то угрозы. Так, а сколько же времени я потратила на интервью? Почему-то в компании ректора время имело свойство вести себя не совсем правильно, то исчезая песчинками между пальцев, то растягиваясь до бесконечности. Двенадцать дня. Как раз успеваю.

На лифте я поднялась с административного этажа в общежитие и открыла дверь комнаты. Как я и думала, тяжелые прорезиненные шторы были еще задернуты и внутри царил полумрак. Распахнув портьеры, я погладила стоявший на подоконнике кактус, здороваясь; тот тихонько заурчал и довольно раскрыл дюжину белых цветков, собравшихся венком на макушке. Соседка же заворочалась в кровати и что-то злобно простонала.

– Проснись и пой, – посоветовала я ей. – Полдень уже на дворе.

По мнению Софии, это не аргумент для такой варварской побудки, но я была непреклонна.

– Ты обещала мне совместный завтрак, – напомнила я, не давая ей завернуться обратно в одеяло, а потом и вовсе выдергивая его у соседки из рук. – Пошли, нас Райли ждет.

– Ну ты и садистка, – София наконец села и попыталась пригладить спутавшиеся волосы.

– Ага, – согласилась я. – Злая и жестокая.

А еще я очень хотела помочь. Хотя не знала как. Ничего из жизненного опыта моих

восемнадцать лет не подсказывало, что следует делать с другом, который страдает от посмертной депрессии. Прямо хоть психологию предметом по выбору бери, однако я сомневалась, что даже по учебной программе ГООУПиОАатСДиРН там рассматривались проблемы вампиров и других сверхъестественных меньшинств.

А София была именно что вампиром. Только к романтике, полночным объятиям и прочему это никакого отношения не имело. На самом деле вампирами становились погибшие насильственной смертью колдуны. Поднимаясь из могилы, они преображались, теряя свои способности, но приобретая другую силу... и жажду. Которую утолить могла лишь родная кровь...

Возможно, мне следовало начать с начала. Магов трудно убить...

Нет, еще раньше.

Представьте себе мир. Не таким, каким вы его привыкли видеть. Представьте себе энергию, основу основ, сплетающуюся клубком и принимающую форму... Представьте себе Огонь, лишь по своему желанию выбравший человеческий облик. Он может выглядеть как человек, его можно научить думать, как человека, но все равно он останется дикой, неуправляемой стихией. Такова была природа гениев – или джиннов, как говорили на других наречиях. Детей Огня, всех тех, кто в нашем мире занимал место между людьми и богами. И такова была природа даймонов (кого я обманывала, все равно все звали их демонами), детей Воздуха, живших по ту сторону Границы. Мы все, маги и демоны, фейри и они^[1], были разными, назывались разными именами, обладали разной силой, но в конце концов оказывались одним: энергией, заключенной в физическую оболочку. А как убить энергию? Нет, это было возможно: забрать чужую силу, втянуть ее в себя или развеять по ветру, дать ей впитаться в землю... Но не многие были на это способны. А телесные повреждения магия, та самая энергия, обычно залечивала.

Но случилось и так, что не успевала. Что тело не выдерживало, а магия, вырвавшаяся из-под контроля... мутировала. И, пытаясь выжить, изменяла тело вместе с собой. Получившийся кадавр уже не мог воспринимать мир как раньше и тянул энергию в самой примитивной ее форме: кровью. Жизнью. А родная кровь всегда была самой крепкой цепью и самой большой силой после собственных крови и имени... То же случилось и с Софией. Ей было восемнадцать, когда какой-то ублюдок подсыпал ей в напиток бензо, изнасиловал, задушил и прикопал в глухом румынском лесу. С одной стороны, как бы цинично это ни звучало, ей еще повезло: она в каком-то смысле выжила и не успела добраться до своих родных, прежде чем ее обнаружили Охотники. С другой...

Я познакомилась с Софией полгода назад, когда поступила в ГООУ. Меня поселили в одну комнату с ней, и соседка, хотя и была мрачной, язвила и постоянно норовила отключить мой будильник, казалась совершенно нормальной. Конечно, было большим шоком после месяца знакомства узнать, кем она была на самом деле, но я быстро приняла эту новость. Ведь София, которую я знала, выглядела человеком. Да, она питалась кровью, которую ей выдавали по рецепту в медицинском корпусе университета (и украденным у меня печеньем, когда я приносила его в комнату), но я видела, какой она была. Доброй. Отзывчивой. Одинокой. Считавшей, что в мире живых, в мире, где ее считали чудовищем, ей не было места. Я помнила, что долго сердилась и не понимала, как можно видеть на ее месте монстра. Потом поняла.

Я возвращалась с планового осмотра в медкорпусе, когда чудовище набросилось на меня. Оно двигалось с недостижимой для обычного человека скоростью, я даже не заметила,

как оказалась прижатой к стенке. Пергаментно-желтая кожа, перепачканная землей и кровью, заострившиеся черты лица, полные безумия желтые глаза и звериный оскал, зубы... Красное на белом. Существо явно нацелилось на мое горло, разрывая пальцами с криво обломанными ногтями шарф, но не успело: в следующий момент подоспевший сотрудник медслужб накинул на его шею ошейник с электрошокером. От разряда существо взвыло и отпустило меня, еще одного удара током хватило, чтобы в диких глазах на секунду промелькнул разум, и чудовище позволило себя увести.

– Что это было? – спросила я у Сереша, тоже выглянувшего в коридор на шум.

– Упырь, – равнодушно ответил он, проверяя информацию в планшете. – Очередной идиот с каникул вернулся. Какой-то урод его сбил и бросил труп на обочине, а нам теперь с ним возиться. Когда вас уже перестанут до диплома выпускать...

Я заглянула через его плечо. С экрана на меня смотрел Брайан Дэрроу, двадцати лет, специализация: аудит, дата смерти: две недели назад. У парня на фото была копна волос оттенка гречишного меда, открытая улыбка и очаровательная ямка на подбородке. Только по желтым глазам редкого светлого оттенка можно было догадаться, что чудовище из холла и этот студент были одним и тем же человеком.

«Что с ним теперь будет?» – хотела поинтересоваться я, но Сереш уже направился дальше по коридору, куда санитар увел вампира.

В принципе, я и без него могла представить что. София как-то сказала, что провела в ГООУ уже восемь лет. Но учиться начала лишь два с половиной года назад. Шесть лет. Шесть лет в одной из палат медкорпуса, с электрошокером на шее. Шесть лет попыток вернуть рассудок и человечность. И все для того, чтобы узнать, что никто не оценит: окружающие все равно будут видеть в тебе только монстра, проснувшегося сразу после смерти. Чуть не став вампиру завтраком, я понимала, почему большинство магов – и не только магов – их боялись и недолгоблывали. Но я понимала и Софию с ее апатией. Только совсем не знала, что с ней делать.

– Ты идешь? – поторопила я ее. – Мне в час надо быть у Сереша.

Соседка, уже причесанная, но не покрашенная, только темные глаза выделялись на бледном лице, хмуро на меня посмотрела, выходя из ванной, и привычно потянулась к черной водолазке.

– Там плюс тридцать, – остановила я ее. Согласна, странная температура для начала марта, но в ГООУ не было климата как такового, а погода зависела от настроения студентов и преподавателей атмосферного факультета, людей весьма творческих.

Открыв шкаф, я достала красную блузку с коротким рукавом, София с сомнением на нее покосилась.

– Тебе идет, – заверила я ее.

– Она твоя.

Была моя. Теперь она мне не понадобится. Я с трудом подавила желание натянуть рукава еще ниже, до самых кончиков пальцев. Будет мне урок: не влезать в сомнительные авантюры. Тогда и в жертву подземным божествам приносить не будут, и шрамов не останется. Не удержавшись, я все же пробежалась пальцами по скрытому тканью предплечью. Они не прощупывались, но я знала, что деться они никуда не могли. Двенадцать на правой руке, тринадцать на левой. Изначально порезов было больше, но обычные мне быстро залечили в том же медкорпусе, даже швы накладывать не пришлось – все-таки у магии были определенные плюсы. Но с теми, в которых драконья кровь причудливо

смешалась с моей, было сложнее. Сереш и его коллеги только разводили руками, а я, увидев, что золото, расцветшее под кожей, так и не собиралось никуда исчезать, стала прятать шрамы под кофтами: слишком любопытные и недобрые взгляды притягивали золотые росчерки, шедшие по внутренней стороне рук от запястий до самых локтей.

– В прошлом семестре тебя это не останавливало, – намекнула я на еще одну ее вредную привычку. – Бери! Seriously.

Блузку София все же приняла. И пусть на воротник сверху лег платок с принтом из черепов, я не удержалась от улыбки. Когда мы только познакомились, в гардеробе Софии был один цвет: черный. Теперь мне удавалось хоть иногда разбавить его мрачность другими оттенками. В прошлом семестре София держалась настороженно и, даже когда поняла, что я не собираюсь сбежать от нее с испуганными воплями, не спешила сближаться. Замыкалась в себе, стоило разговору перейти на нее, уходила куда-то по ночам, после чего весь день спала. Сейчас... я так и не выяснила, куда София исчезала ночами, но иногда, как сегодня, у меня получалось вытащить ее куда-нибудь днем. Понемногу, но она начала рассказывать о себе, а самым большим моим достижением стало то, что я стала перебарывать ее недоверие к другим людям. Райли, мою самую близкую подругу в ГООУ, кажется, не волновало, кем была София, Макс отнесся к ней с неожиданным сочувствием, и с недавних пор София даже присоединялась к нам за настольной игрой по воскресеньям или за просмотром фильмов в общей гостиной.

Я осознавала, что на самом деле ничем не могла ей помочь. Но продолжала надеяться, что эти маленькие шажки хоть что-нибудь значили, потому что ничего иного сделать для нее пока не могла.

Булочка – последняя – лежала в плетеной корзинке и подмигивала мне изюмным глазом. В нерешительности я замерла над ней: с одной стороны, сдоба – это вредно. С другой... десерты поварам университетской столовой удавались так же великолепно, как и остальная тысяча блюд на раздаточной линии. Да и какой вред может быть от маленького кусочка теста? А еще от грибного ризотто с пармезаном, от тарталетки со шпинатом...

– Чего стоим? – полюбопытствовала София, выхватывая булку прямо у меня из-под носа.

Еще и надкусила сразу же, мечтательно прикрывая глаза. Ну и кто из нас садистка? Я не сдержала разочарованного вздоха.

– Задумалась, – глядя на соседку, я перестала бороться с искушением и поставила на поднос стакан панна-котты, раз булку увели. – Больше не буду. Пошли искать Райли. Ты ее не видела?

Рыжая нашлась снаружи, за столиком в тени сиреневых кустов. Когда мы подходили, с ней как раз прощался незнакомый мне парень. Рассеянно его слушая, ведьма позволила себя поцеловать, но незаинтересованность при этом, как мне показалось, даже не пыталась скрыть.

– Что, минус еще один? – спросила я, подсаживаясь к ней и провожая парня взглядом. – Почему теперь?

Вынужденно порвав в прошлом августе с бойфрендом, рыжая весь первый семестр предавалась меланхолии, а в феврале, решив, что траур по, как она заявляла, единственной любви и без того уже был достаточно долгим, взялась устраивать свою личную жизнь. Наверное, мне не следовало думать, что она подойдет к вопросу как нормальный человек. В конце концов, что в ней было нормального? Ведьма. Артефактор. Убийца – поскольку почти

все, что она создавала, было связано со смертью. Семейная традиция, ничего личного. Для магов такое занятие вообще в норме вещей, у них весьма своеобразные представления о ценности жизни...

– Молоко, – поморщилась Райли, отпивая свой кофе. – Опять не обезжиренное.

Так вот, к делу она подошла в своем фирменном стиле: холодная рассудочность, та же, что позволяла ей проводить эксперименты над живыми существами, и в то же время дичайшие романтические стереотипы. (Я с самого начала знакомства поражалась – откуда она их брала?) Гремучая смесь. А уж список – почти бесконечный – требований к потенциальному партнеру... Увидев его в первый раз (артефактор либо сторонник ритуальной, а не стихийной магии, из известной семьи, средний балл не ниже четырех с половиной, красивый, спортивный, а еще он должен горячо и страстно ее любить), я малодушно решила, что, будь я женщиной, сбежала бы от Райли подальше.

– Может, простишь? Не так это и страшно...

– Если я его недостаточно интересую, чтобы с третьего раза запомнить, какой кофе я пью, то о чем тут еще говорить? – резонно ответила она.

– У тебя такими темпами скоро все кандидаты закончатся.

Или нет. Я-то, может, и сбежала бы от нее, но другие люди могли видеть в ней достаточно плюсов, чтобы пройти унижительный процесс отбора. Райли была красива той ухоженной красотой с фотографий в глянце: идеально уложенные рыжие локоны, тщательно контурированное лицо с кукольными чертами, сложный макияж, подчеркивающий экзотический разрез глаз. Она была богата – не то чтобы я считала, но вещи, выходившие из мастерской Харперов, не продавались меньше чем за пару тысяч долларов. Из хорошей семьи – не из тринадцати родов, которые когда-то давно поделили между собой наш мир, но все же. Она была умна... Хотя это скорее относилось к минусам. Манеры то ли гениального, то ли сумасшедшего ученого из комедии все же мало кого привлекали. А вести себя, как положено типичным гламурным девам, у которых в одной руке клатч с логотипом всемирно известного дизайнерского дома, а в другой – мелкая собачка экзотической породы (собачка имелась, осталась дома из-за строгих правил ГООУПиОАатСДиРН в отношении домашних животных), Райли откровенно ленилась.

Ведьма пожала плечами, а я отстала от нее; в конце концов, если кто-то в нашей компании мог раздавать советы по поводу личной жизни, то точно не я. Своя была достаточно сомнительной... Случайно заметив на выходе из столовой знакомую фигуру, я встрепенулась.

– Макс! – привстала я на своем месте, чтобы мои полтора метра роста можно было хоть как-то разглядеть. – Макс, мы тут!

Увидев меня, блондин махнул рукой и пошел к нам. София перебралась к Райли, освобождая место рядом со мной.

– Ты же говорил, что сегодня вырваться на обед никак не получится, – удивилась я.

– Лекция закончилась на пятнадцать минут раньше. Решил перехватить что-нибудь в перерыве, – Макс продемонстрировал бенто-бокс и картонный стакан с кофе и сел ко мне. – Привет, София. Рай...

Соседка кивнула в ответ, рыжая недовольно нахмурилась – должно быть, припоминала их последний спор. Мне вместо приветствия достались широкая улыбка и быстрый поцелуй. Горячая мозолистая ладонь нашла под столом мою, и Макс притянул меня к себе, переплетая наши пальцы.

– А вы чего здесь собрались?

Я спохватилась и, с сожалением отпуская его руку, полезла в сумку за ноутбуком.

– Сегодня последний день записи на лекции нового семестра, – объяснила я. – Хотели посмотреть, вдруг кто-то отказался от курсов, можно было бы на них записаться.

– Вдобавок ко всем тем, которые ты уже набрала? Полегче, Гермiona Грейнджер, – рассмеялся Макс, – еще немного, и тебе понадобится маховик времени.

Он не понимал. Никто не понимал. В отличие от остальных восьмидесяти тысяч студентов ГООУПиОАатСДиРН, которые выросли, зная о магии, я попала сюда если не случайно, то как минимум внезапно. Восемнадцать лет я считала, что магии не существует, нежити и нечисти, демонов и вампиров – тем более, и теперь получалось так, что об их мире я знала столько же, сколько младенец. В первом семестре из-за этого я наделала множество глупостей; не зная, чего бояться, я пугалась всего.

Но больше я не хотела бояться. И если для этого мне понадобится взять хоть все курсы в университете, посвященные магии, я их возьму. Не от неожиданно проснувшейся любви к учебе, а потому что мне надоело чувствовать себя слабой и беспомощной.

Компьютер наконец загрузился и показал систему записи. Слава богам и всему, что существовало во Вселенной, больше не надо было, как в прошлом семестре, мучиться с листочками и списками, вычерчивать свое расписание и подбирать подходящие по времени курсы вручную. Теперь было достаточно отобрать из списка предметов те, которые не совпадали по времени с уже выбранными и которые заинтересовали, и нажать на кнопку. И успеть – потому что места у лучших профессоров заканчивались в течение двух секунд после начала записи. А единственный шанс попасть на них после того заключался в том, чтобы проверять, не откажется ли кто-то от своего места.

– Все еще не могу поверить, что ты выбрала демонологию как специальность, – прокомментировал Макс, заглядывая в монитор. – Ты так горячо убеждала всех, что хочешь жить нормальной жизнью...

– А я собираюсь жить нормальной жизнью. Меня София научила: оказывается, в течение полугода после выбора специальности от нее можно отказаться, если не понравится. – Именно таким образом она, проучившись два с половиной года, все еще числилась на первом, общем курсе. – Поэтому я собираюсь выучить у них все, что можно, за эти полгода, а потом перейти в Биологический институт. Кстати, София, – повернулась я к соседке. – Последняя возможность, выбрала, что теперь учить будешь?

– Наверное, продолжу на ИЗО, – внешне она оставалась спокойной, но я видела, как пальцы нервно отщипывали от (почти ставшей моей!) булки мелкие кусочки и бросали их на тарелку. – Мне там вроде как нравится.

Я удивилась. Еще полгода назад она собиралась менять специальности до бесконечности, чтобы отсрочить получение диплома и возвращение в обычный мир. Теперь... Неужели?... Я искренне надеялась, что была права в своих предположениях.

– Учитывая, на сколько предметов ты у демонологов записалась, не похоже, чтобы ты собиралась куда-то переходить, – не смог удержаться от замечания Макс.

Ему моя специальность не нравилась. По его мнению, она была слишком опасной. Да и зачем она мне нужна? Этого он тоже не понимал. Демонология не пользовалась популярностью хотя бы потому, что дальнейшего применения ей почти не было. Все контакты с демонами тщательно мониторились «Хантерс Инкорпорейтед», и получалось, что после выпуска можно было пойти либо в теоретики, остаться в университете и

преподавать, либо в Охотники, ловить их или, если взять юриспруденцию второй специализацией, разбирать заключенные договоры (честное слово, в библиотеке целая полка была отведена демоническому праву). А в «Хантерс» маги, зная, как Охотники их ненавидят, не сильно стремились.

– Почему же? Я начала специализацию в феврале...

Кроме двух семестров для особо рьяных студентов, ГООУ предлагал интенсивные курсы в каникулы. Чувствуя острую нехватку знаний, я этим предложением воспользовалась. И не только я: многие студенты решили не возвращаться домой на месяц. Причем не все из-за учебы: Софии, к примеру, особо некуда было ехать, хотя в медкорпусе уже постановили, что она не представляет особого риска, и выдали разрешение; Райли не поехала домой, потому что там был Тоби, та самая ее единственная любовь, а еще потому, что у нее было две сестры и недавно родившийся брат, и отдохнуть бы среди них не вышло. Макс... просто остался, не объясняя причин.

– Февраль, март... До первого июня я имею право подать заявление на смену специальности, чтобы до конца месяца ректор его принял. А все эти курсы заканчиваются в мае. Как раз успеваю.

– А другие предметы ты взять успеваешь? Ты же знаешь, учиться только магии нельзя, ты должна выбрать и общеобразовательные курсы.

– С этим все в порядке, – заверила я его. – Смотри.

София перехватила ноутбук и с интересом зачитала список.

– Новейшая история России, история России средних веков, Киевская Русь, современная русская литература, русская поэзия Серебряного века... Ты набрала все то, что уже учила в школе! По-моему, это жульничество.

– Правилами не запрещено, – не согласилась я, возвращая компьютер себе.

А мне сейчас надо было как можно больше узнать о мире, в котором я оказалась.

– Не отвлекайтесь, – прервала нас Райли, – так что там осталось?

Я посмотрела на монитор.

– Трансформация.

А что, звучало интересно. Кто хоть раз в жизни не мечтал отрастить вместо рук крылья?

– Не потянешь, – сразу же отмел Макс.

– Почему это?

– Он прав, – вступилась за него София, – моя сестра ее брала. Говорила, что сложнее курса в ГООУ не встречала.

Сестра? Под столом я снова вцепилась в Максову ладонь. Это был первый раз, когда София упоминала свою семью, я и не знала, что у нее была... есть сестра. Не желая давить на нее, я сделала вид, что никаких откровений не услышала, и продолжила чтение.

– Бухучет и внутренний контроль. Нет, на это я сама не согласна.... Общественное право Евросоюза. Нет. Введение в клеточную инженерию. Интересно, но не в этот раз... Что такое магически активные биодобавки?

– Зельеварение, – коротко ответила София.

– Приворотные эликсиры, настойки для выведения веснушек, напиток вечной молодости, – фыркнул у меня над ухом Макс.

– Магические яды, заклинания на крови, проклятия отложенного действия, – томно выдохнула Райли. – Хочу! Какой код лекции?

– MABS2015SSS24. Там два свободных места, кстати. Помнишь, ты жаловалась, что в

этом семестре у нас совместных курсов нет?

Рыжая быстро застучала подушечками пальцев по экрану айфона.

– Лично я уже записываюсь, я как раз в это время свободна. А ты?

Я задумалась. Макс был прав, я в самом деле набрала много курсов: система показывала еженедельную учебную нагрузку в шестьдесят семь часов. А еще была подработка в студгазете. Но напротив семинара стоял всего один кредитный балл, значит, много времени он не отнимет. И любопытно ведь...

– Тоже, – решила я, кликая на кнопку; Макс покачал головой, то ли не одобряя дополнительную нагрузку (на свое расписание бы посмотрел!), то ли пытаясь не рассмеяться над моим стремлением к знаниям.

– Ладно, – поднялся он, – мне пора.

Я взглянула на часы и с печалью посмотрела на нетронутую панна-котту:

– И мне.

Мы с Софией сильно задержались, и теперь я опаздывала и не успевала доесть обед... Даже притронуться к нему уже не успевала, если уж говорить откровенно.

– Мы вас тут оставим?

София молча пожала плечами.

– Идите-идите, мы с Софи пока тут посидим, пообщаемся, – улыбнувшись, рыжая ехидно добавила: – Вас пообсуждаем.

– Не самая интересная тема, – серьезно сообщила я, убирая ноутбук в сумку и поднимаясь из-за стола. Макс подколку рыжей предпочел проигнорировать.

– Тебя проводить? – предложил он.

Я отказалась:

– Медицинский корпус в другой стороне.

И перед его посещением мне хотелось побыть одной. Подумать. Макс, зная это, настаивать не стал.

Если бы меня спросили, какая она – магия, вряд ли я смогла бы ответить. Магия была ни на что не похожа. Банально, но это факт. Чувствовать магию было все равно что на восемнадцатый день рождения внезапно проснуться с синестезией. С удивлением узнать, что четверг – зеленый, как и цифра «четыре», скрипка звучит сине, запах апельсиновой корки шелестит листьями под южным сицилийским солнцем, а у ощущения наждачки под пальцами, как ни смешно, вкус шоколада. Молочного, с миндалем. Чувствовать магию было все равно что получить в подарок дополнительный набор органов чувств – увы, без инструкции по его использованию. Видеть правду за иллюзией, будущее и прошлое под настоящим, возможное за случившимся. Ощущать воду в воздухе и огонь внутри себя, видеть энергию и магическое воздействие, заклинания, некоторые – похожие на натянутые в воздухе канаты, другие – собирающиеся дождевой тучей. Звучит безумно, знаю. Скажи мне кто такое полгода назад, первая бы рассмеялась. Но... Девушка имеет право изменить свою точку зрения. Особенно после того, как эту девушку пытались использовать в магическом ритуале. Особенно когда выясняется, что девушка – все-таки не совсем человек... Совсем не человек. Как говорится, добро пожаловать в новый мир, Наташа. Где магия – реальность. И привороты. И заклинания. И даже ауры существуют, черт бы их побрал. Не как странные радужные пятна по контуру человеческой фигуры, но как уникальный ольфакторно-тонально-цветовой отпечаток индивидуального магического фона (определение из учебника,

я тут ни при чем). Как ощущение силы, пульсирующей болью отзывавшееся в затылке. Звучит странно? Ощущалось еще страньше, как говорила Алиса у Кэрролла.

Для той, кто почти восемнадцать лет ничего подобного не чувствовал, контраст был удивительным. И жестоким. Как мне объяснили, мне еще «повезло»: обычно маги ощущали окружающий мир не так остро. Но... Я выросла обычным человеком. Почти всю жизнь у меня стоял блок, не дававший мне чувствовать магию. На справедливый вопрос, кто же его поставил, мой собеседник в медкорпусе только отвел глаза и заявил, что я сама могла: дескать, магия в какой-то степени является симбионтом, и ее главная задача – защитить носителя. Даже от него самого, если понадобится. И в результате сильной психической травмы моя магия могла решить, что для меня будет безопаснее, если она уснет. Врал. Не про психическую травму и не про то, что я сама могла неосознанно поддерживать блок своим отрицанием магии и сверхъестественного – это было возможно, между «не чувствовать магию» и «не использовать магию» существовала большая разница, и даже под блоком я оказалась способна на пару заклинаний. Но первоначальный блок... Как правило, гени с рождения чувствовали магию – я ничего подобного не помнила. В тех, у кого кровь гени перемешалась с человеческой, магия, бывало, спала, пока сильные переживания ее не будили; такие ЧП тщательно отслеживались Охотниками... и уничтожались, потому что полученные таким образом силы плохо поддавались контролю. Это тоже был не мой случай, в ГООУ я попала, не подозревая о своих способностях. Вот и возникали вполне закономерные вопросы – которые я не задавала. Потому что знала: правды мне не расскажут. И я делала вид, что верила. Молчала.

А когда блока не стало, момент для избавления от него оказался крайне неподходящим. Самайн, одна из ночей в году, когда оба мира сближались и магия особенно сильно чувствовалась. А еще контакт с драконьей кровью (без комментариев, просто без комментариев), чрезвычайно эффективным усилителем магического потенциала. В результате, по словам наблюдавшего меня сотрудника медицинских сервисов, получилось, что я была «как датчик, который слишком резко настроили» и воспринимала даже те минимальные проявления магии, которые не замечали обычные маги. Весело.

Я распахнула дверь медицинского корпуса и повернула направо, стараясь не думать о том, какие ужасы, кроме упырей, могли скрываться за одинаковыми белыми дверями. Вместо этого прошла в самый конец коридора и привычно открыла одну из них. За моей дверью никаких ужасов не было, обычный кабинет врача-терапевта, разве что выглядевший в плане ремонта и мебели чуть лучше, чем в районной поликлинике. За письменным столом, почти прижавшись носом к его поверхности, что-то писал молодой индеец в белом халате.

– Мне нужно, чтобы ты это подписала, – вместо приветствия Сереш сунул мне в руки какой-то договор.

Посмотрим. «Подтверждаю, что была полностью проинформирована о последствиях использования артефакта БЧН01-2013-2, и даю согласие на процедуру»?

– Что такое БЧН01-2013-2?

– Это тебе знать необязательно.

– В последний раз, когда ты так говорил, а я согласилась, ты выкачал у меня почти литр крови, – проворчала я, но подпись все же поставила.

А куда деваться? Я не в первый раз сталкивалась с «Это тебе знать необязательно», которое любил повторять Сереш. Это ГООУ: мне не скажут ничего, что не захотят, а так существовал мизерный шанс понять, почему и зачем со мной так носились. И... Может, я

была не права, но меня не покидало ощущение, что мое согласие было лишь формальностью, без которой при необходимости можно обойтись.

– И ничего с тобой не случилось, – медик забрал документ и наконец взглянул на меня. – Привет. Как себя чувствуешь?

Это повторялось из раза в раз, каждую неделю. Сначала меня вообще заставляли приходить каждый день: видите ли, тех, кто после такого количества драконьей крови не поддавался магии, не сходил с ума и мог отвечать на вопросы, было слишком мало, и науке требовались жертвы. Да, ей тоже. Не только демонам, решившим разбудить древнее божество при помощи жестокого ритуала – в ходе которого, собственно, моя кровь и смешалась с золотом...

– Так же, – сухо ответила я.

– Давление, пульс, температура, что-нибудь беспокоит?

– Сто двадцать на восемьдесят, порядка девяноста, тридцать шесть и шесть, ты спрашиваешь серьезно? Что ты ожидаешь от меня услышать и когда?

Как правило, маги не болели. Случались врожденные пороки, редко встречались аутоиммунные заболевания, но всякая бытовая ерунда вроде простуды или ОРВИ обходила стороной. Как одна зараза другую, мысленно добавляла я. На самом деле это был еще один побочный эффект магии: когда ты являешься огнем, лишь по прихоти выбравшим человеческий облик, трудно подцепить грипп. Поэтому смысла в том, чтобы каждый раз спрашивать меня одно и то же, я не видела.

– Руку.

Я протянула ему левую, отворачиваясь, чтобы не видеть шрамы. Смоченная в спирте салфетка прошлась по локтевому сгибу. Быстрый укол, слава богу, хотя бы никаких болезненных поисков вены, и меня отпустили. Сереш посмотрел собранную кровь на свет. Интересно, что он в ней видел? Если бы хоть один из нас был демоном, он бы почувствовал любопытство, легкую тревогу, самую чуточку страха перед болью, которая не наступит. Я видела магию, которую можно было бы использовать; даже того количества хватило бы на какой-нибудь простой амулет или небольшой магический круг. Жизнь: кровь была чистой, не отравленной болезнью или приближением смерти. И, возможно, совсем немного золота, блестевшего на дне. А он? Увы, наши отношения строились на том принципе, что вопросы задавал Сереш, а отвечала я. Написав на пробирке дату, медик отложил ее в сторону и достал из-под стола чемоданчик.

– Приступим?

Внутри на поролоне лежали два серебряных браслета. Я успела разглядеть тонкую гравировку по внутренней стороне: если я не ошибалась, часть знаков относилась к классу охранных, еще часть – к сдерживающим. Сереш уже не в первый раз пробовал на мне ограничители. Как он заявлял, чтобы понять, насколько сильно я улавливаю магию. Но разрешение подписывать заставил впервые. Интересно, откуда ему привезли новую игрушку?

– Давай надену, – предложила я, но он отказался.

Такого раньше тоже не случалось. Любопытно.

– Я сам.

Первый браслет сомкнулся на моем запястье. Щелчок, и застежка исчезла, теперь серебряный обруч без пины не смог бы снять никто. Я заметила клеймо там, где раньше был замок: две стрелы, расположенные крест-накрест. Ну конечно. Охотники. Без них, кажется, не обходилось ни одно темное дело – а мое появление в ГООУ было именно таким.

Любопытно, меня сейчас случайно не в магические наручники заковали? Стоит ли озаботиться поиском адвоката?

– Что ты чувствуешь?

Я прислушалась к себе – и к миру вокруг. Странное ощущение, будто какую-то часть меня отсекли, но боли не было. Только легкий дискомфорт и притупившиеся чувства. А мир... он остался где-то далеко, но все еще был слышен.

– Будет гроза.

Раньше, до ГООУ, я бы решила, что это всего лишь предчувствие, шутка интуиции, наличие у себя которой я отвергала. Сейчас я слышала холодный нервный ветер высоко в небе, знала, что через пару минут воздух запахнет озоном и пылью. Без браслета я бы уже чувствовала прилив сил, радость – не мою – и эйфорию, собирающееся в облаках электричество. Не огонь, конечно, чтобы, как выражались некоторые, «словить кайф» (во многих отношениях магия действительно была сродни наркотику), но там, где сверкают молнии, нередко случаются пожары.

– Попробуй что-нибудь сделать.

Я поняла, что он имел в виду, и послушно потянулась к силе. Из-за браслета это давалось сложнее, но она все еще была сконцентрирована вокруг – в сквозняке из приоткрытого окна, в зеленых листьях бегонии, стоявшей на подоконнике, как ни смешно, в розетке под письменным столом; нужно было только знать, где искать. Собрав ее по крупицам, я зажгла на ладони огонек, слабый и почти прозрачный, но все же. У меня были не слишком сильные способности к магии – обычный середнячок, в сравнении со многими моими знакомыми выглядевший и вовсе жалким, – и тот факт, что под действием ограничителя я смогла показать хоть что-то, уже удивлял. Судя по недовольной реакции Сереша, он считал так же. Медик покачал головой и прошептал себе что-то под нос.

– А теперь?

Браслет еще больше впился в запястье.

Онемение. Как после местной анестезии, только распространившейся на все пять (Шесть? Семь? Больше? Я уже не знала, сколько их должно быть.) чувств. И все же... мир вокруг стал яснее. Проще. Я удивленно выдохнула: может, я и ощущала себя ослепшей, оглохшей и лишившейся обоняния, но в то же время я была свободна. Краски померкли, звуки стихли, и магия смягчилась до едва заметного шепота за спиной. Который можно было игнорировать. С первого ноября я еще никогда не была так близка к привычному для меня состоянию.

– А можно так оставить? – жалобно попросила я.

Медик заметно удивился просьбе.

– Наверное, я мог бы сделать запрос, но... Ты действительно хотела бы этого?

Видеть мир таким, каким его видят обычные люди, а не яркой галлюцинацией? Не сходить с ума от невозможности того, что тебе открывается? Твердо знать, где ты стоишь и что вокруг тебя происходит, не чувствовать себя всего лишь проводником для чего-то гораздо большего, для силы, которую невозможно полностью подчинить?

Серьезный вопрос.

– А есть шансы, что я когда-нибудь приду в норму, или это навсегда?

Сереш помедлил с ответом.

– Не хотелось бы тебя расстраивать, но, учитывая, что после первой недели подвижек не было и что прошло уже несколько месяцев... Боюсь, что нет. Ты не вернешься ни к

нормальному состоянию, ни к тому, которое считала нормой.

У работавшего в медкорпусе индийца была одна не самая приятная особенность: если он не говорил «Это тебе знать необязательно», он был откровенен. Иногда даже слишком. Значит, навсегда... Прощай, нормальная жизнь, было приятно познакомиться. На этот раз – прощай окончательно.

– Тогда нет.

Костыли имеют смысл, когда нужно переждать, пока нога срастется. В противном случае необходимо учиться жить без них. Я вздохнула. Нечаянно доставшаяся пожизненная сверхчувствительность к магии – это, блин, замечательно. В кавычках. Мало того, что неприятно, так еще и практически бесполезно: что толку, если я буду видеть, какое заклинание плетут рядом со мной? Не то чтобы от этого мои собственные силы увеличивались. Дорогая судьба, если решишь сделать подарок, можно в следующий раз я сама себе суперспособность выберу? Нет? Так и думала.

– Можешь что-нибудь сделать? – вернулся к привычному ходу опроса медик.

– Сомневаюсь.

Я почти не видела магии вокруг. Если постараться, возможно, сумела бы добраться до своих собственных сил, почти перекрытых действием браслета, но... Внутренний голос подсказывал, что пытаться не стоит. Даже находясь в здании, полном реаниматологов.

– Можешь сказать, что я сейчас делаю?

– Вода. Ты... – я повернула голову на звук, который не был звуком. Поверхность налитой в чашку воды едва заметно дрожала, а еще она исчезала, минуту назад было почти вровень с краем, сейчас же в стакане оставалось чуть больше половины. Но куда она... испарялась? – Изображаешь увлажнитель воздуха. Зачем, не проще купить?

Кинув на меня странный взгляд, индеец записал что-то у себя на планшете.

– Мне нужно проверить второй браслет.

Я протянула левую руку и дождалась щелчка. В этот раз все было иначе: оглушающая тишина, темнота, пустота... В панике магия во мне сама метнулась к ближайшему источнику силы, который могла распознать: к Серешу. Больно хлестнула, почти заставила выпустить нити заклинания. Отобранной у него энергии хватило, чтобы в глазах немного прояснилось, и я заметила красные капли, испачкавшие лабораторный халат.

– Извини...

Вот почему еще мне не нравилась магия: она была живой. У нее имелись свои инстинкты, свой... если не разум, то, по крайней мере, его зачатки. И действовала она – в те редкие моменты, когда я переставала ее контролировать, – не обязательно так, как поступила бы я. Заставляя ощущать, будто в моем теле живет кто-то еще. Неприятное чувство.

Дышать стало легче, желания упасть в обморок я тоже больше не испытывала – в отличие от стыда, надо же было ударить своего врача за то, что он пытается тебя вылечить... и ставит на тебе непонятные эксперименты. Но пустота все еще маячила где-то на грани восприятия. Опасная. Только и ждущая удобного момента, чтобы затянуть внутрь.

Медик поднял ладонь в успокаивающем жесте и стер из-под носа кровь.

– Все в порядке. Обычная реакция. Как сейчас?

Плохо. Похоже, я перешагнула свою границу «нормальности». Если до того я чувствовала себя почти как раньше, то теперь чего-то не хватало. Меня не хватало.

– Страшно, – призналась я.

– И это тоже обычная реакция. Вот, кстати, причина, почему мне не хотелось бы

постоянно надевать на тебя ограничитель. Сейчас мы заблокировали твою магию. Не так, как это делала ты. Полностью. И, по сути, с момента, как я надел на тебя блокатор, ты медленно умираешь, отсюда и страх. Ограничитель будет действовать по тому же принципу, только процесс растянется с пары месяцев до нескольких лет. Возможно, даже десятков лет, но не больше.

Для кого-то такой срок звучал оптимистично, для магов, способных жить вечно, – ужасно. Я покачала головой. Спасибо за новость, доктор, но разве такие известия не следует сообщать как-нибудь тактичнее?

– Почему?

– Потому что магия – это твоя природа. От нее нельзя просто так избавиться. Смирись.

Смирись. Привыкни. Что-то больно однообразно звучали его советы. А я всегда была слишком упряма, чтобы им следовать. Сереш осторожно приблизился ко мне и коснулся руки – что-то, не я, недовольно заворочалось, припоминая, кому обязано неприятными мгновениями, но браслет снять позволило. И второй тоже. Я с наслаждением втянула в себя воздух, снова окрасившийся миллионом оттенков: ядрено-желтым от антисептика, который медик постоянно лил себе на ладони, и пурпурным от озона, медным от крови и серо-зеленым от магии, которой Сереш эту самую кровь пытался вывести с халата. И опять мир оглушал, слепил, морочил голову и сводил с ума. Я поморщилась и прижала пальцы к вискам.

– Если выключить это нельзя, дай хотя бы таблеток от головной боли, – попросила я, понимая, что на сегодня эксперименты закончились.

Сереш протянул мне прозрачную пластиковую банку с одиноко лежавшими на дне таблетками. Их было ровно семь, как обычно.

– Через неделю в то же время, – улыбнулся он мне.

Гроза ушла так же быстро, как и началась, оставив после себя лишь серебристый запах свежести и сирени. Заглотив таблетку (Сволочь все-таки Сереш. И садист: зная, что ни аптек, ни магазинов в ГООУ не было и в плане обеспечения лекарствами студенты полностью зависели от медицинских сервисов, никогда не выдавал запас больше чем на неделю. Видимо, чтобы у меня не возникло соблазна прогулять следующий осмотр.), я спустилась по ступенькам и направилась к склепу, как за одну небольшую архитектурную особенность студенты прозвали коммуникационный центр университета. В нашей маленькой редакции студгазеты, располагавшейся в нем, раньше все сотрудники появлялись когда им вздумается, но с началом нового семестра мессир Джонатан передал распоряжение ректора, что расписание приходов и уходов должно составляться таким образом, чтобы кто-то всегда был на месте. Зачем, я не понимала, едва ли в мире существовали какие-то экстренные вопросы к ежемесячной студенческой газете, которые требовали бы нашего обязательного присутствия в любое время дня и ночи. Но с ректором никто никогда не спорил, поэтому сейчас я шла отбывать повинность. Вообще по жребию мне выпало дежурить сегодня весь день, с самого утра, но удалось договориться с Жако, чтобы в первой половине дня он меня подменил.

С нашим штатным фотографом я столкнулась уже в дверях.

– Извини, в медкорпусе задержалась...

– Спок, – двухметровый качок в нежно-розовой футболке даже не поморщился, когда я на него налетела, не успев притормозить. – Я сейчас бегу, но как клубы? Всё в силе?

Под клубами, увы, подразумевались всего лишь студенческие секции и кружки, про

которые мы уже два номера как рассказывали читателям газеты.

— Из фехтовального прислали ответ, нас ждут в... Слушай, забыла, посмотрю в почте и тебе перешлю их письмо, хорошо?

Жако кивнул:

— Лады. Спишемся тогда.

— Ага. Спишемся...

Проводив его, я заварила кофе и села за свое место. Предыдущий номер мы сдали всего неделю назад, поэтому в редакции сейчас делать было особо нечего. Проверить письма, отсортировать комментарии по поводу февральского выпуска, посмотреть план и прикинуть, какими из рубрик когда можно будет заняться, для чего не хватает информации и у кого ее можно найти... Отпивая свой латте, я открыла почту и замерла. Осторожно поставила чашку на стол. Сцепила пальцы в замок. И медленно выдохнула.

Опять.

А я надеялась, что все закончилось. Зря, как выясняется.

Я бросила еще один взгляд на монитор, но изображение на экране не поменялось.

Который это уже раз? Пятый? Шестой? Если сначала все можно было списать на злую шутку, то теперь происходящее напрягало.

С этим надо что-то делать.

Глава 2

Кривая перемен

Мы никогда не встречались. Все, что между нами было, – это полтора поцелуя и взаимное разочарование. С моей стороны – потому что я поняла, что далеко не такая храбрая, как хотелось бы, и продолжения у нас не будет. С его... возможно, по той же причине. Хотя я бы не стала даже пытаться угадать, какие мысли бродили в его голове. Все равно бесполезно.

Так, если между нами ничего не было, почему же я сейчас стояла в коридоре и не могла собраться с духом, чтобы войти и посмотреть ему в глаза? Отчего чувствовала себя неловко, собираясь попросить о помощи? После четырех месяцев, когда я его старательно избегала... Но, в конце концов, мы ведь взрослые люди? Какие могут быть проблемы? И вопрос мой как раз относился к его работе. И даже если он откажется мне помочь, это будет всего лишь отказ. Просто короткое «нет», ничего страшного. Отбросив сомнения, я решительно толкнула дверь в IT – чтобы в следующий же момент замереть в смущении.

– О господи! Вы бы хоть носок на ручку повесили или дверь заперли...

Взвизгнув от неожиданности, миниатюрная брюнетка скатилась с кресла и спряталась за его спинкой. Диз только вздохнул, и этот звук, такой знакомый (в его репертуаре он занимал среднее положение между «Как же вы меня достали!» и «Почему меня окружают одни идиоты?»), заставил меня отмереть и поспешить прикрыть дверь.

– Каталины сегодня нет, – сообщил Диз, прежде чем я успела выйти.

Я заметила. Как и несколько неодетый вид его сегодняшней напарницы.

– Да я вообще-то к тебе... Но это не срочно! – заверила я, все-таки закрывая дверь. И уже скорее себе, чем ему, пробурчала: – Лучше как-нибудь в другой раз зайду...

Дойдя до лестницы, я не выдержала и хихикнула. Хорошо, что не решила порефлексировать в коридоре еще минут десять, а то точно получилось бы неловко. И все же в груди поселилось тяжелое чувство. Не то чтобы я была настолько наивна – я знала, что сегодняшняя девушка была не первой, кто в последние месяцы приходил в IT вовсе не за помощью с подключением к университетскому вай-фаю, мы ведь работали в одном здании; да и в девичьих компаниях, собиравшихся возле редакционной кофеварки, рано или поздно разговор все равно сворачивал на него. Но она была единственной, кого я видела с ним. И та довольная ленивая полуулыбка, которую я успела заметить: впервые я наблюдала ее, обращенную не ко мне. И...

И у меня не было абсолютно никаких причин для таких мыслей. Я сама сделала шаг назад, когда поняла, что в комплекте идут не только улыбки и обаяние, но гораздо больше. Клыки, например. Когти. Сложная родословная и пугающая сила... Я нахмурилась. К чему ворошить прошлое? Страдать по упущенным возможностям – дело, конечно, романтической девы достойное, но глупое. Я сделала свой выбор.

Спустившись обратно в редакцию, я не вернулась за свое рабочее место. Из какой-то совершенно иррациональной брезгливости садиться к компьютеру не хотелось. Вместо этого я полила бонсай на столе Моники, разобрала макулатуру, скопившуюся в одном из углов, вымыла кофейный аппарат и заварила себе новую чашку. Встала с ней у окна... у места на стене, где половину времени находилось окно, разглядывая трещины на штукатурке. Попыталась собрать в кучу мысли, но ничего не выходило: все, что я могла (немногое, будем

откровенны), я испробовала. Даже о помощи попросила... попыталась попросить. Из холла до меня донеслись голоса:

– Как видишь, – этот спокойный, чуть насмешливый тон я не могла не узнать, – ни минуты покоя, опять зовут мир спасать. Прости, крошка, позвоню, как освобожусь.

Девушка что-то ответила. Хлопнула входная дверь, громко, недовольно, и вскоре я почувствовала его присутствие. Как всегда, я так и не смогла услышать, что он подошел, но ощущение... Холода. Злого порывистого ветра, как зимой на набережной. И запах увядающих нарциссов. Это было странно: я знала, что на самом деле его не было. Если бы я подошла к нему, почувствовала бы совсем другие ноты – сигарет и черного перца, которыми пах его парфюм, но тяжелый аромат цветов не уходил. Я обернулась: Диз стоял на пороге, прислонившись к косяку двери.

– Я же сказала, мне не срочно.

Это должно было прозвучать виновато, но отчего-то получилось сухо и раздраженно. Диз хмыкнул.

– За последние четыре месяца самой длинной фразой, которую ты мне сказала, было «Можно пройти?». Ты никогда не заходила в IT в мою смену, если тебе и нужно было вызвать Лину, ты связывалась с ней по телефону, а когда я бывал в редакции, усиленно делала вид, что очень занята и меня не видишь. И вдруг ты приходишь и говоришь, что ко мне. Ясное дело, что это важно и срочно.

Если он хотел заставить меня почувствовать себя неудобно, ему это удалось. В его изложении все звучало немного невежливо. И некрасиво. В конце концов, он мне тогда жизнь спас.

– Если я такой ужасно неблагодарный человек, то почему?..

– Потому что ты позвала, – ответил Диз еще до того, как я закончила фразу. – Ну, и потому что разбираться с компьютерными проблемами других студентов вроде как входит в список моих служебных обязанностей.

Странная логика. Зачитывает список моих прегрешений, и тут же – «потому что ты позвала». Обычно у людей либо одно, либо другое. Либо «ты эгоистичная скотина», либо «я тебе помогу и даже перенесу ради тебя свидание». С другой стороны, человеком он не был. И сам как-то говорил мне, что не умеет обижаться.

– Откуда ты знаешь, что она компьютерная? – не удержалась и спросила я.

– В ином случае ты нашла бы кого-то другого. Ладно, – он пересек кабинет и сел за мой стол, – в чем ты меня на этот раз подозреваешь?

– Ни в чем.

Его кандидатуру я отмела быстро: у него была возможность, но я не смогла придумать ни одного мало-мальски адекватного мотива.

– Дай пароль забью, – предложила я, подходя к нему и устраиваясь на краешке стола.

Диз весело заулыбался.

– Ты всерьез думаешь, что он мне нужен?

Нет. Не думала. Я сейчас вообще мало о чем думала, кроме как о том, что он удивительно быстро вернулся к своему легкомысленному тону. словно в последний раз мы болтали за кофе не осенью, а на прошлой неделе. Будто не было этой неловкой паузы длиной в несколько месяцев или словно она не имела для него никакого значения... Почему? Я бы после нашего последнего разговора отреагировала бы... не знаю как, но едва ли сразу смогла бы восстановить статус-кво. Пытаясь понять, о чем он думал, я скосила глаза на

компьютерщика.

– Что смотреть?

Тогда я видела его человеком – тот самый блок мешал разглядеть правду. Теперь, впервые, мы были на равных, и под иллюзией проступало его настоящее лицо. Резкие черты, слишком острые, чтобы быть красивыми; скорее, приближающиеся к грани, за которой красота превращается в уродство. Неестественно зеленые глаза. Кожа, белая, с сероватым отливом...

– Нат?

Обращение, от которого я уже успела отвыкнуть, вернуло меня в реальность.

– За что ты теперь на меня сердишься? Если дело в пароле, то могу дать тебе честное слово, что им не пользовался, только что его угадал. Это не так сложно...

– Я не сержусь.

Может, в самом начале, когда только узнала правду. Тогда я не могла не думать, что, если бы только он был простым человеком, я бы сделала иной выбор. Но это было невозможно, и потому злиться я быстро прекратила. Но вот перестать сожалеть о том, что могло бы быть (а могло ли?), пока так и не сумела. Как и ревновать, люто и бешено, хотя не имела на то никакого права...

– Открой почту. Самое верхнее письмо.

Диз послушался. Лицо его окаменело, и сам он подобрался, словно почуяв добычу. Куда только делся вальяжно развалившийся в кресле айтишник? Тем не менее появившееся на экране сообщение он прокомментировал весьма нейтрально:

– Выглядит неприятно.

– Критика статьи выглядит неприятно? Или выловленные опечатки? Это, мне кажется, называется как-то иначе.

На черном фоне каплями крови проступали красные буквы готического шрифта. Если неизвестный отправитель выбирал дизайн для пущего драматического эффекта, то целей своих он не достиг. Единственное, что в оформлении ужасало, так это дикая безвкусица. Но вот само сообщение... Пожалуй, Диз был прав – неприятное. Всего одно предложение, и никаких прямых угроз, но...

«Смерть придет в этом году».

Я бы вместе с остальными ребятами из студгазеты посмеялась над этим заявлением, если бы не достойное лучшего применения упорство автора. И не предсказанное мне самоубийство. В прошлом семестре я отмахнулась от такого прогноза как от глупой ошибки, но теперь была склонна отнестись к нему серьезнее. Тем более что назначенный баньши срок подходил к концу.

– Ты не мог бы выяснить, кто его отправил? Я не знаю, отследить по ТСП/IP, проверить логи SMTP-сервера... – я осеклась под его взглядом. – Почему ты так на меня смотришь?

Диз ухмыльнулся.

– Пытаешься говорить по-компьютерному? Мне нравится. Откуда набралась, из голливудских фильмов про хакеров?

– Из сериалов, – призналась я, улыбаясь.

Ладно, если так надо, будем делать вид, что ни Самайна, ни этих месяцев не было. Я смогу, честно постараюсь. Айтишник постучал пальцем по монитору, показывая на адрес.

– Если верить тому, что здесь написано, это письмо ты отправила себе сама. Я не верю, – заявил он, не дожидаясь моего опровержения, – если бы ты так хотела меня увидеть,

существуют способы полегче. И ты не стала бы звать на помощь до последнего, и уж точно начала бы не с меня...

– Каталина сказала, что не может выяснить отправителя, и посоветовала обратиться к тебе.

У меня были причины не доверять напарнице Диза в этом вопросе, больно настойчиво она в свое время пыталась нас свести, но после нее я пошла к Нику, сидевшему в IT в другую смену. Вернулась с тем же результатом. Мысль, что Лина могла подговорить своего парня мне так ответить, отдавала паранойей, поэтому я ее отбросила и поверила им. И Диз был прав, я бы тянула до последнего, а то и вовсе не стала бы никому говорить, если бы дело касалось только меня. Но письма получала не я одна.

– Следовательно, это письмо не первое, – не обращая на меня внимания, продолжил Диз. – Не хочешь рассказать всю историю?

– Все началось первого января...

Отличное начало нового года. Мало мне было китайского печенья с предсказанием «Ценой выбора становится выбор, который ты уже не сможешь сделать». (Спасибо, но благодаря выученной в прошлом семестре экономике я уже знала определение альтернативных издержек.) А потом добавилось еще и это...

– Можешь показать?

– Я его сразу удалила. Решила, что кто-то так остроумно пошутил.

Второе письмо пришло в феврале. За ним – еще два. Не только темп ускорился, остальные сотрудники редакции тоже стали получать послания от незнакомца.

– Текст всегда один и тот же?

– Нет. Не помню первых, не обратила тогда внимания, но отличия были. Везде, правда, говорилось про смерть. А в предыдущем письме мне написали...

Я покрепче обхватила чашку, вспоминая послание, состоявшее из одного слова. «Готовься».

– Еще что-нибудь? Какие-то закономерности, что-то?

Я уже думала об этом, но ничего не нашла. Никакого расписания (я даже с лунным календарем сверилась), письма приходили с разным интервалом и в разное время суток, никакой зависимости от дат, погодных условий и что там еще имело значение в магии... Я помотала головой.

– И ты не представляешь, от кого они, – это уже было утверждением, а не вопросом. – И никаких новых врагов за это время ты завести не успела?

Я оскорбленно посмотрела на айтишника. После Самайна я сидела тихо, не высывалась, прилежно училась и была вообще ни при чем.

– Ладно, а твои коллеги? Ты сказала, они тоже получали такие письма, как они отреагировали?

Я тяжело вздохнула.

– Знаешь, сколько психов пишет в редакцию студгазеты? – Судя по выражению лица Диза, он никогда не задумывался над этим вопросом. – Много. После каждого номера находится кто-то, кто угрожает нам казнями египетскими. Все решили, что это очередной такой случай. Ким только заинтересовался, но всего лишь потому, что его привлек шрифт.

И интерес у нашего штатного фотошопера закончился сразу, стоило ему нарисовать похожий.

– А мессир Джонатан? Ты рассказывала ему?

Да. Я недовольно скривилась:

– Велел не обращать внимания на такие мелочи. И я понимаю, что, возможно, он прав, а я преувеличиваю, как всегда... Но не могу отделаться от мысли: а что, если нет? Что, если это не розыгрыш? Это продолжается третий месяц, если считать нас всех, то писем уже было за двадцать, и до сих пор никто из тех, кто нам писал, не пытался скрыть свой адрес. Ладно, я – по крайней мере, я серьезно воспринимала неизвестного отправителя. Кто предупрежден, тот, как говорится, вооружен. – Но я боюсь, что, пока ребята будут ржать над этими анонимками, с ними что-то случится.

Диз отвлекся от монитора и недоуменно на меня посмотрел.

– Ты ведь осознаешь, что делишь кабинет с полубогом, двумя магами, доккаэби^[2] и Эл, у которой явно среди предков затесались демоны? Если о ком и надо здесь беспокоиться, то о тебе, а не наоборот.

– Да хоть с богами! Кому угодно можно причинить вред, особенно если противника никто не воспринимает всерьез. А они относятся к этому легкомысленно, как дети. Так ты поможешь?

Он задумчиво потер переносицу под оправой очков.

– Последний вопрос: что сказал тебе на все это твой Охотник?

Я насупилась и с большим интересом уставилась в чашку. Обязательно было Макса сюда приплетать?

– Он не знает, – по-своему понял мое молчание Диз.

Макс знал, я ему говорила. Просто не все...

– Дай догадаюсь: ты дала ему слово не влезать в неприятности, а теперь его нарушаешь.

– Нет! – поспешила я ответить.

За полгода, проведенные среди магов, я поняла, почему они с таким пиететом относились к клятвам и обещаниям. Когда они призывали мир в свидетели, это были не просто красивые слова: мир действительно слушал их клятвы, даже когда его не просили. И был очень недоволен, если кто-то их нарушал. Поэтому я не стала бы просто так обещать то, что не смогла бы выполнить.

А что касалось Макса: мы с ним обсуждали эти анонимки однажды, после того как я получила второе письмо. Даже поссорились... Ну, как «поссорились»: он мне посоветовал, если я ощущаю угрозу, уволиться; я ему сообщила, что этот вариант мне мало подходит. После этого о новых анонимках я предпочитала ему не рассказывать.

– Это так важно, что сказал Макс? – спросила я.

Диз не стал отвечать. Пожал плечами, переслал письмо себе и встал из-за стола. Я задрала голову вверх, глядя на него. И каков будет вердикт?

– Я посмотрю, что можно сделать.

Я скосила глаза на будильник. Шесть сорок восемь. Еще двенадцать минут до звонка, а сна опять ни в одном глазу. Еле слышно вздохнув, я вылезла из-под одеяла и собрала одежду. Тихо, чтобы не разбудить Софию, прокралась в ванную, а потом закрыла за собой дверь.

Разумеется, снаружи в такой час почти никого не было. Стоя на крыльце и распутывая провода наушников, я успела увидеть всего одного студента: худой рыжий парень, с которым мы уже сталкивались на пробежках, тоже узнал меня и кивнул в знак приветствия. Я улыбнулась ему и вдела «капельки» в уши.

Прохладный после ночи воздух, музыка и монотонность бега помогали отвлечься от

ночных кошмаров, но не спасали от мыслей, приходивших им на смену. О письмах. О ГООУ. Или, что хуже, о жизни.

Знаете, что такое кривая перемен? В шестидесятых Элизабет Кюблер-Росс создала модель принятия смерти. С тех пор та претерпела изменения и стала применяться для разьяснения эмоциональной реакции на любые глобальные изменения в жизни человека. Семь стадий, семь шагов. Я прошла их все.

Шок. Удивление, страх неизвестности. Как это могло случиться? Почему именно я? Что со мной будет?

Отрицание. Все еще можно вернуть. Все станет как было, стоит только себя в этом убедить. Построить вокруг себя стену – которая постоянно будет идти трещинами.

Фрустрация. Когда реальность пробивает стену, так легко почувствовать себя жертвой. Снять с себя ответственность за происходящее, выплеснуть скопившиеся гнев и страх на другого, пока на их месте не останется лишь пустота.

Депрессия. Отрицать случившееся уже бесполезно: все правда, ты оказалась в мире, полном магии, неизвестном и опасном; но это осознание лишает последних сил. Потому ты движешься по инерции, не принимая перемены, но и не пытаешься что-то изменить самой.

Включенный на случайный выбор плеер начал играть следующий трек, про монстров, что вечно голодны, и страх, который никогда не уходит. Чуть не подвернув ногу, я выругалась сквозь зубы и переключила его на другую песню.

Пятый шаг – эксперимент. Постепенно ко всему привыкаешь. Пробираешь воду. Пытаешься обнаружить в себе магию, найти место в новом мире. Ошибаешься, разбиваешь коленки в кровь, возвращаешься на шаг назад. И повторяешь, пока не придешь к следующей стадии: решению. После бесплодных попыток ты понимаешь, что у нового мира нет пробной версии, а старый с каждым днем истончается, становится зыбким, как воспоминание, сон. И единственный выбор – исчезнуть вместе с ним или принять произошедшее. Понять, что пути назад нет; вернуть себе контроль над ситуацией. Чтобы дойти до этой стадии, мне понадобилось два месяца, и я до сих пор не знала, много это или мало. И наконец...

Интеграция. Последний шаг. И самый сложный – потому что длиться будет всю новую жизнь, построенную взамен предыдущей. Прошлого уже нет, а его место заполняет новая рутина. Прежняя Наташа ни за что бы не согласилась вставать по утрам на час раньше ради физкультуры. Новая не могла спать и с радостью отгораживалась от остального мира наушниками; она находила пробежку успокаивающей, как и запах хвойного леса и пружинящий ковер сосновых иголок под ногами. Прежняя Наташа по выходным часами болтала с родителями, нынешняя замкнулась в себе и заполняла образовавшуюся пустоту учебой. Прежняя Наташа... наверное, она была добрее. Нынешняя с каждым днем все больше походила на окружавших ее существ. Становилась осторожнее. Осмотрительнее. Не впускала в свое сердце кого попало («Поздно», – шептал вредный внутренний голос). Все меньше спешила верить другим. Было ли это правильно, хорошо? Я не знала. Едва ли. Но каждый выживает, как может.

Сегодня я проследовала по своему обычному маршруту: по «главной улице» до амфитеатра, там налево, мимо башни астрономов и стеклянного куба киноведческого факультета. Оттуда вдоль длинной галереи изобразительных искусств, похожей на старое трамвайное депо, и к лесу. Перед ним я остановилась и подошла ко входу в одно из общежитий. Рядом никого не было. Странно. Проверив часы, я нахмурилась и решила подняться на второй этаж: обычно Макс не запаздывал.

– Привет, – дверь в комнату распахнулась еще до того, как я постучала. Увидев меня, сосед Макса, колдун из Восточной Европы и обладатель сложно произносимого имени, резко затормозил. – А Макс?..

Гргур пропустил меня внутрь и исчез, сбежав куда-то по своим делам. Ладно... Закрыв за собой дверь, я приблизилась к Макс, разговаривавшему с кем-то по скайпу.

– Можешь объяснить, о чем ты вообще думал? – устало поинтересовался Макс у собеседника; услышав за своей спиной шаги, он обернулся.

«Мне уйти?» – жестом спросила я. Макс в ответ махнул рукой:

«Оставайся».

Послушавшись, я встала за его спиной и помахала экрану.

– Привет, Коннор! Что ты теперь натворил? – спросила я, переходя на английский. Заклинание-переводчик, накрывавшее территорию ГООУ и позволявшее каждому студенту не только говорить на своем родном языке, но и понимать остальных, увы, не действовало при беседе с кем-то, кто находился за пределами университета.

Сидевший по ту сторону монитора подросток, всем своим видом говоривший «трудный» – украшенная шипами косуха, выбритая с левой стороны голова и несколько пирсингов в брови, – встрепенулся и перестал игнорировать экран.

– А, русская! Я говорил, что у тебя смешной акцент?

– Не устаешь об этом напоминать.

К сожалению, когда встречаешься с кем-то, обычно получаешь не только одного конкретного человека, но и его родственников. У Макса это был Коннор, его младший брат. Так получилось, что их отец погиб, мать была больна, а о других родичах, если они и существовали, Макс никогда не упоминал. В итоге воспитание Коннора легло на его плечи. Задача сама по себе нелегкая (попробуйте объяснить подростку, почему он должен вас слушаться, когда вы всего на два года старше), а теперь, когда Макс начал учебу в ГООУ и лишился практически всех рычагов воздействия, и вовсе невыполнимая.

– Он принес в школу бутылку водки, – ответил за брата Макс. Голос его за ладонями, которыми он закрыл лицо, прозвучал глухо. – Теперь его отстранили от занятий на две недели. Опять. Предупредили, что еще пара таких выходов – и исключат. Что ты тогда собираешься делать? – обратился он опять к Коннору.

Я хотела было спросить, зачем он это сделал, но промолчала. И так ведь понятно: чтобы эпатировать. А заодно насолить брату.

– А еще отвел глаза продавцу в магазине. Так? – Макс отнял руки от лица и строго посмотрел на Уолша-младшего; тому хватило совести, по крайней мере, принять устыдившийся вид. – Мы уже говорили, почему обычных трогать запрещено?

– Раз двадцать, – буркнул Коннор. – И что такого? Вон, скажи ему, русская, – ткнул он в мою сторону пальцем, – у вас ведь в России водку все пьют!

– Вообще-то нет, – сообщила я. – Я тебе говорила, это стереотип. Мы не начинаем пить водку еще в младенчестве. Мы вообще не все пьем водку. И даже у нас продажа алкоголя несовершеннолетним запрещена.

Почему-то развенчать этот миф оказалось сложнее всего. «В России всегда холодно и лежит снег» опровергалось при помощи интернета и прогноза погоды, но вера в то, что русские и водка неделимы, неискоренима. Удивительно. Россия же была не единственной родиной крепких напитков (вон, Соединенное Королевство никто за виски не упрекал), но по какой-то неизвестной мне причине оказалась страной с самой стойкой ассоциацией.

Коннор неверяще уставился на меня.

– В каком отстойном месте ты живешь!

– Да меня как-то устраивает... И вообще, лучше скажи, как ты умудрился попасться? Ты ее прямо из горла пил, что ли? Неужели нельзя было додуматься перелить в бутылку из-под минералки, тогда никто не заметил бы...

За последнюю реплику я получила заинтересованный взгляд от Коннора и хмурый от Макса. «Не учи детей плохому». Поняла.

– В смысле я хотела сказать, зачем тебе вообще водка? Алкоголь – это зло. Сначала все хорошо, а потом понимаешь, что совершил непоправимую ошибку...

Результат не изменился. Макс все еще недовольно смотрел на меня, запрокинув голову, а Коннор, глядя на нас, откровенно ухмылялся.

– Все, сдаюсь! – подняла я руки, признавая поражение. – Вас оставить вдвоем?

У меня совершенно отсутствовал опыт в воспитании детей. В семье, несмотря на большое количество двоюродных братьев и сестер, я была младшей, поэтому нянчились обычно со мной и Риткой, а не наоборот. Племянников у меня еще не было, только Влад этой осенью женился, но о детях разговор не шел, я своих в ближайшие десять лет не планировала заводить, так что о том, как правильно разговаривать с детьми, ничего не знала. Тем более с подростками, которые из разряда «он такой же, как я, только чуть младше» внезапно перешли в категорию «ты для него вроде как выполняешь роль родительской фигуры».

– Не надо, мы уже заканчиваем. – Макс снова повернулся к монитору: – Это был последний раз, понял?

– А то что? – с вызовом спросил Коннор.

– Отправишься в штаб-квартиру до совершеннолетия. Там уже всем надоело вытаскивать тебя из очередных неприятностей, будут только рады, когда ты окажешься под замком и неусыпным контролем... Насколько Охотники вообще могут быть рады.

Кажется, угроза возымела действие.

– Плевать! – Коннор все-таки нашел в себе силы сделать вид, что ему все нипочем. – Хуже, чем здесь, все равно не будет.

– Уверен? – от тона Макса, мрачного и многообещающего, Уолша-младшего все-таки проняло. Но не сильно. – Проклятье, Конн, когда ты наконец возьмешься за мозги?

Подросток опять насупился.

– Не учи, – огрызнулся он. – Ты мне не мать, чтобы воспитывать!

А вот это уже был удар ниже пояса. Потому что мать их находилась в больнице святой Елизаветы для душевнобольных – я не знала почему и не спрашивала, не та это была тема, чтобы совать в нее любопытный нос, – и в воспитательном процессе принимать участие не могла. А Макс, как ни старался ее заменить... Да, он не был ею.

Изображение на экране поменялось, и вместо слабо освещенной комнаты с серыми обоями скайп показал черный прямоугольник: Коннор предпочел отключиться, чем выслушивать ненужные, как он считал, сентенции. Зараза. Макс тихо выругался и снова спрятал лицо в ладонях. Немного замешкавшись, я положила руку ему на плечо в попытке хоть как-то поддержать. Наверное, все-таки не стоило: только я дотронулась, как Макс вздрогнул и повернулся ко мне.

– Прости, я задержался. Пойдем?

И он еще извинялся!

– Ты не хочешь попробовать перезвонить?

– По-твоему, он ответит?

Я сильно в этом сомневалась.

– Не думай об этом.

– Но...

– Это не твоя проблема, Наташа, – серьезно повторил Макс. – Пошли.

Так было всегда. Его проблемы оставались его проблемами, как бы тяжело ему ни было нести свою ношу. Как и Софии, Макс я не знала, чем помочь. Пока могла только молча послушаться...

Я не любила заходить в лес на южной границе студгородка. Стоило ступить на припорошенную сосновыми иголками землю, как тело само вспоминало произошедшее в нем. Магия никуда не уходит. И сила, оставшаяся после незавершенного ритуала, связанная кровью и впитавшаяся в почву, все еще была здесь. Ждала меня. Звала. Но именно по этой причине я почти каждое утро приходила сюда. И собиралась приходиться в лес до тех пор, пока не перестану замирать, пересекая невидимую границу, пока не прекращу бояться этой силы и мечтать о ней во снах.

– О чем задумалась? – тихо спросил Макс.

Нет уж, Макс, если ты не делишься проблемами, то не ожидай, что я взвалю тебе на плечи еще и свои.

Так и не дождавшись ответа, он плеснул на меня водой. Я остановилась и недоуменно моргнула. Надо же, и не заметила, что мы уже почти дошли до места: метрах в десяти по склону иссиня-черная поверхность воды блестела на солнце. Стерев рукавом капли с лица, я мрачно посмотрела на Макса.

Никогда не соглашайтесь дать девушке пару уроков магической самообороны, пусть даже она просит. А если согласились – всегда будьте начеку.

Воздух откликнулся сразу же, запахом моря и молодой листвы. Перебирая между пальцами его нити, я затянула петлю вокруг лодыжки одного очень симпатичного и ни о чем не подозревающего блондина. А потом со всей силы дернула. За Макса я не переживала: чтобы причинить ему вред, понадобилось бы что-то посложнее подножки. Но чего я не ожидала, так это того, что, падая, он ухватится за мой рукав и потянет меня за собой. Вскрикнув от того, что земля неожиданно решила уйти из-под ног, я покатила следом.

Склон был пологим, а приземление довольно мягким. Хотя это кому как: мне лично повезло упасть на Макса, но он, кажется, был не против. Взглянув на улыбавшегося блондина, я пробурчала:

– Очень смешно, – но не выдержала и сама расхохоталась.

Признаю, забавного в ситуации было немного. Но от смеха, несмотря на сны и Коннора, стало легче.

– Так о чем?..

Только не этот вопрос. Не давая Максиму закончить, я прижалась своими губами к его. Когда шутят, что мужчина придумал поцелуй, чтобы закрыть женщине рот, не учитывают, что этот способ действует и в обратную сторону... Иногда. Не в этот раз. Я еще не успела зарыться пальцами в светлые пряди, как он отстранился:

– Ошибка?

Ох, Макс... И черт же меня дернул ляпнуть.

Я смотрела в потемневшие от беспокойства глаза и вспоминала. Бутылку текилы – подарок Софии на первую сданную сессию, – которую принесла с собой. Звезды, особенно

ярко сиявшие в ту ночь на небе. Руки, горячие от того же огня, что бежал по моим венам...

Нет. Не ошибка.

– Должна же я была сказать что-то правильное и педагогичное.

– И только?

– И только, – заверила я его, снова целуя.

За моей спиной раздался громкий всплеск. Я резко обернулась: над поверхностью воды показался обтянутый желтушной кожей череп с заостренными чертами. Заметив интерес, чудище оскалило клыки и зашипело.

– В этом университете у студентов нет ни малейшего шанса на покой и уединение, верно? – вздохнула я.

Впервые за утро в глазах Макса промелькнуло веселье. Ну да, о каком покое может идти речь, мы же в ГООУ.

– Строго говоря, русалки не совсем разумны, – задумчиво протянул он.

Верно. Это среди детей Огня и Воздуха были те, кто почти не отличался по уровню развития от человека. Порождения Воды и Земли за редким исключением были ближе к животным. Пока: даже нечисть эволюционировала, и, кто знает, может, мы еще увидим новый вид? Или посмотрим, во что превратятся существующие. Студенты с криптозоологии утверждали, что при должном старании даже русалок было возможно обучить простейшим командам. Я посмотрела на всплывшее к нам со дна существо: русалка подняла худую руку и попыталась убрать налипшие на лицо волосы, чтобы разглядеть нас получше. С сожалением я откатилась в сторону и, поднявшись на ноги, принялась отряхивать одежду.

– Строго говоря, мой кактус тоже проходит по классификации как «условно разумный». Это не мешает ему очень явно тебя не одобрять, – фыркнула я, вспоминая. – Нет уж. У меня много достоинств, но эксгибиционизм в их список не входит.

– Ладно, – Макс вытащил у меня из волос сосновую иголку. – Тогда пошли. Сумеешь меня застать врасплох, отдам право выбирать фильм на этой неделе.

– Я уже сумела застать тебя врасплох.

– Тем более. Или тебе слабо повторить?

А вот это он зря. Нельзя было брать меня на слабо. Вредно. Я же упрямая, не отступлюсь теперь, пока не докажу обратное.

И он это знал.

Душевая в коммуникационном центре располагалась по соседству с IT-сервисами. В принципе, логично: многие из сотрудников там брали по две смены, а в перерыве отсыпались на диванчике возле рабочего места, появляясь в общежитии только чтобы взять чистую одежду. Высушив волосы, я повесила на плечо сумку со спортивной одеждой и направилась к лестнице. Но на полпути остановилась. Вернулась.

Я давно хотела задать Каталине этот вопрос. Но боялась. Чего? Если мне суждено умереть, не лучше ли знать заранее? Помня о вчерашней ошибке, я не открыла дверь сразу, а остановилась у порога. Положила ладонь на стену: та под моей рукой пошла рябью и истончилась, будто улавливая мои желания. А может, так оно и было – некоторые из корпусов в ГООУ тоже могли относиться к «условно разумным», и склеп был в их числе.

– Эрика утром заходила, – сообщила Каталина кому-то. – Пыталась понять, что она делает не так.

Хорошо, значит, Лина была на месте. Я взялась за ручку двери, но ответ ее собеседника

заставил меня притормозить.

– Только не это, – тяжело вздохнул Диз.

– Что значит «только не это»? – возмутилась Лина. – Кто тут должен жаловаться? Мне уже, между прочим, надоело объяснять твоим подружкам, что они ничего не делают не так, это ты мудак просто.

– Угу, – из кабинета перестал доноситься шелест страниц. – Слушай, а где отчеты за октябрь?

– Посмотри наверху, – посоветовала Лина. – Что значит «угу»? Диз! Нельзя вводить девушку в заблуждение, а потом делать морду кирпичом и говорить «мне надоело»!

– Когда я кого вводил в заблуждение? Сама наверх полезай, ты их должна была достать.

– Я слабый пол и хрупкое существо, лезь ты.

Я едва сдержала смех. Дело было не в центре веса, который Каталина носила удивительно раскованно и даже изящно. Фишка была в самой ее природе: по сути своей Лина отличалась примерно такой же хрупкостью, как у тропического тайфуна.

– Когда? Да всегда! Ты же ведешь себя как чертов джентльмен, так, будто они тебе интересны...

– Потому что они действительно мне интересны. По крайней мере, большинство из них. И придумай другой аргумент. Я из Ада, ваши гендерные стереотипы на меня не действуют.

– ...Разумеется, они в тебя влюбляются! – продолжила Лина, даже не заметив, что кто-то другой говорил. – А ты, стоит тебе это почувствовать, даешь задний ход. Так нельзя!

– Можно. И нужно.

– Почему? Что это за больная демоническая логика?

– Они влюбляются не в меня, а в свое представление обо мне. И чем быстрее они поймут разницу, тем для них лучше. Так ты придумала, почему именно мне стоит лезть за отчетами, или достанешь папку сама?

Поразмыслив, айтишница предложила:

– Потому что ты выше и тебе удобней? А мне еще за другой стремянкой идти, время потеряем, придется задержаться здесь вместо обеда...

Диз хмыкнул и, судя по звукам, встал из-за стола.

– Принимается. Ладно, какую полку смотреть?

– Правую. Нет, правее... В смысле левее... Ага, вот эту. Кажется... И чего в этом плохого?

– То, что я им не нужен. А играть нравящуюся им роль двадцать четыре часа в сутки я не собираюсь. Я думал, ты это должна понять без объяснений. Тебе разве не надоест постоянно делать вид, что ты ничего не знаешь?

Каталина задумалась. Я тоже. В самом деле, каково тому, кто видит будущее, вечно прикидываться, что не подозревает о нем?

– Ты себе даже не представляешь, – наконец признала она. – Особенно в этом плане меня сейчас умиляет и раздражает наш диалог. Но все-таки...

– По-моему, ты нагло пользуешься тем, что я не причиню тебе вреда, – перебил ее Диз. – И где все-таки данные за октябрь?

– В красной папке? Какая разница, в кого они влюбляются? А тебе бы не помешало завести нормальные человеческие отношения. Все равно...

– В красной папке, как и написано на корешке, находятся «веселые картинки с котиками». Каталина!

– В синей? Все равно они влюбятся, никакие договоренности про «просто секс, никаких чувств» не спасут. Ты же обаятельная скотина, в тебя невозможно не влюбиться! Так почему бы...

– Ты ведь не влюбилась.

Айтишница усмехнулась. Настолько знакомо, что мне даже не надо было гадать, кого это напоминало.

– Я тебя знаю три года и видела, еще когда ты не так живо изображал человека. Ты для меня как младший брат. Мне инцест даже между Ланнистерами^[3] не нравится, не то что с собой в главной роли!

– Младший? Я тебя старше на несколько месяцев... – оскорбленно пробормотал Диз. – Так, это уже похоже, но, ради всего святого, что здесь написано?

– А на сколько лет я зато тебя мудрее! – Каталина тоже встала со своего места и, похоже, подошла к нему, попутно врезавшись во что-то и громко выругавшись. – О! Они! Надо же, все-таки они были тут! – в ее голосе прозвучало искреннее удивление.

– Ты заставила меня лезть под самый потолок, не зная, что документы здесь?

Диз не повышал голос и не кричал. Напротив, когда он сердился, он становился поразительно вежливым. И говорил так спокойно и нейтрально, что даже мне через стенку стало не по себе.

– Я предполагала, – зато айтишница пропустила его реакцию мимо ушей. – И все-таки: почему бы тебе хоть раз не повести себя как нормальный человек и не попробовать встретиться с кем-то по-настоящему?

– Потому что я не встречаюсь. Держи. Я не в состоянии расшифровать твои криптограммы, будешь мне диктовать. Сколько обращений было в нашу смену тридцатого?

– Двадцать девять.

– Выполненных?

– Тридцать два.

И Диз, и я задумались, услышав такой ответ.

– А те трое?..

– Даже не подозревают, как им повезло, – твердо ответила оракул.

– Попробуй объяснить это ректору... – вздохнул Диз.

– Так почему ты не встречаешься?

– Ты ведь не отстанешь? Потому. Если ты не слышала, среди демонов вообще немного поклонников длительных отношений.

– Ну и? Вон дружить вы тоже не особо дружите, но дружбу ты осилил. А встречаться – это та же дружба, только плюс секс.

– Я более чем уверен, что девяносто девять процентов женской части населения Земли с тобой не согласятся в этом вопросе. И вообще, ты можешь объяснить, почему мы ведем эту беседу? Помнится, не далее как неделю назад ты заявляла, что любви не существует, а отношения переоценивают.

– Мы тогда поссорились, – объяснила Лина. – А вчера помирились. Мне теперь хорошо, я счастлива и хочу, чтобы окружающие тоже были счастливы. Ты, например.

– Страшная перспектива... – довольно громко проворчал Диз. – Давай ты прекратишь свои дурацкие расспросы, и я сразу стану счастливым?

Короткое и упрямое «недостаточно», полученное им в ответ, прозвучало тоже слишком знакомо...

– Где данные за тридцать первое и итоговый отчет за октябрь?

Айтишница молчала.

– Каталина?

– Не скажу, пока не поговоришь со мной серьезно.

Готова поспорить, что Диз в ответ на это закатил глаза. По крайней мере, я бы на его месте поступила так же. Я ему даже посочувствовала: нет ничего хуже друзей, считающих своей обязанностью залезть тебе в душу и выпытать все подробности.

– Ты издеваешься? Откуда появился такой интерес к моей личной жизни? Займись лучше своей, а то она мало соответствует общепринятым стандартам.

– Все с ней в порядке, – обиделась Лина.

– Девяносто девять процентов женской части населения Земли с тобой опять не согласятся. В этот раз компанию им составит еще и большинство мужчин. Хорошо, – уступил Диз. – Seriously. За всю свою жизнь я видел лишь один счастливый брак, и то, даже если не вспоминать историю с Минтой^[4], вряд ли можно его считать: они оба пришли в Ад с Земли. Родители, не знаю как, но умудрились сойтись на достаточно долгий срок, чтобы зачать нас с сестрой, и это – нормальные отношения для подобных мне. Практически все попытки создать семью в Аду заканчиваются тем, что один из супругов убивает другого, причем довольно быстро. Знаешь почему?

– Поганый характер? – попробовала угадать айтишница.

Я бы на ее месте сделала то же предположение. А разговор становился все интереснее, я даже передумала его прерывать и с еще большим любопытством прислушалась. Исключительно научным, не подумайте. В учебнике по демонологии говорилось, что нуклеарная семья в Аду практически не существовала, а понятия «брак» в большинстве наречий вообще не было, но причины не объяснялись.

– Потому что мы не люди. И мы не любим. Не способны. Не знаем, что такое любовь. Так какой смысл мне пытаться завязать с кем-то отношения? А теперь говори, куда итог сунула.

Каталина тяжело вздохнула.

– По-твоему, люди знают, что такое любовь? Я вон не знаю. Это не значит, что я не умею любить. А ты даже не давал себе шанса!

– Отчет, – напомнил ей демон, намекая, что свою часть сделки он выполнил и возвращаться к теме не намерен.

Айтишница замялась.

– Без понятия, где он. Его Ник писал!

В кабинете повисла долгая пауза, а затем Диз предельно вежливо произнес:

– Мы с тобой оба знаем, что Ник, при всех его достоинствах, не в состоянии и двух строчек написать. Так где он? Я тогда взял отгул на полтора дня. Как вы умудрились за это время потерять половину бумаг?

– Как-то?.. – предположила Лина. – Да без разницы, напишем что-нибудь, приблизительно похожее на правду...

На этот раз пауза сопровождалась грохотом – что-то тяжелое упало на пол. Я понадеялась, что это был не Диз.

– Приблизительно похожее? – задумчиво повторил айтишник. – Решено: когда мы станем партнерами, я тебя и близко к отчетности не подпущу. Если бы я так вел свои дела, давно бы разорился.

– Легко, – согласилась Каталина. Видимо, мысль об отчетах не вызывала у нее большого воодушевления. – Но все-таки: откуда ты знаешь, что в отношениях смысла нет, если ты не пробовал? Я еще понимаю – Эрика, она для тебя действительно слишком хорошая, но с Мел у вас могло бы получиться...

– Нет. Можешь хотя бы сказать, сколько тридцать первого заявок было?

– Я вижу будущее, а не прошлое, знаешь ли, – возмутилась Каталина. – И нет, я не помню. А Тесса? Если кому и нужен был не Диз-человек, а Диз-демон, то ей.

– Боюсь, ей нужен был тем более не я, а ее очень странное представление о демонах. И хороший психотерапевт, – добавил он. – Удивительно, сколько парафилий может быть у одного человека.

Кажется, разговор опять перешел на Диза с его девушками. Не та тема, о которой мне хотелось бы узнать больше, чем уже видела. Я взялась за ручку двери и услышала свое имя.

– Наташа...

Минуто, а я в этот список как попала? Между нами ничего такого не было!

– Не вариант, ты ошиблась. А мне не доставляет никакого удовольствия пугать маленьких девочек.

– Да нет, под дверью стоит, подслушивает, – спокойно сообщила Каталина.

Я почувствовала, как вспыхнули щеки. Меня раскрыли. Постучав из вежливости, я вошла внутрь, раз прятаться дальше не было смысла.

– Я не подслушиваю, я после вчерашнего боюсь заходить к вам. Господи, что у вас тут происходит?

Обычно довольно опрятный, хоть и пыльный, кабинет IT-сервисов переживал то ли переезд, то ли какое-то очень странное стихийное бедствие. Почти весь пол был заставлен коробками в несколько слоев, на них, грозя в любой момент упасть, лежали стопки бумаг и папок. А пробираться в этих целлюлозных джунглях выше меня ростом предполагалось по проходам шириной в двадцать сантиметров.

– Пишем отчет о работе, сделанной в прошлый семестр, – ответила латина, появляясь из-за коробок и подозрительно радостно улыбаясь мне.

– А это?

– ГООУ открывает магазин с собственным мерчандайзом. Товары прибыли, а здание еще не выросло. Раз мы теперь за сайт магазина тоже отвечаем, их сгрузили нам. Толстовку с гербом университета хочешь? Тебе какую: серую, красную или черную?

Учитывая, что на гербе ГООУПиОАатСДиРН был изображен козел, а полустертый девиз – «finem» – был потрясающе лаконичен и оптимистичен... Заманчивое предложение.

– А это не против правил? – только и спросила я, когда Лина впихнула мне в руки красную кофту. – Бесплатно их раздавать?

Айтишница переглянулась со своим напарником, сидевшим на верхней ступеньке стремянки.

– Мы считаем это платой за хранение, – невозмутимо пожал плечами Диз. Я встретила с ним взглядом и покраснела еще сильнее. – Много услышала?

Неловкая ситуация, прямо как вчера. Признаваться, что почти все, не хотелось, отрицать было бессмысленно...

– У тебя есть сестра? – не удержалась я от вопроса.

– Близнец. Старше меня на несколько минут и выше на десять сантиметров.

Я улыбнулась. Какая точность...

– Должно быть, в детстве это было больным местом?

– Да нет, – рассеянно ответил Диз, копаясь в очередной папке. – Мы в детстве особо не общались. Я воспитывался у отца, она – у матери... родственников матери, сама мать живыми мало интересуется.

– Почему я о ней никогда не слышала? Она тоже учится в ГООУ?

– А почему ты должна была о ней слышать? – справедливо поинтересовался он. – Нет, не учится. У нее нет в этом нужды: она в куда меньшей степени похожа на человека. Она скорее... сила природы.

Готова поспорить, только Дизу могло прийти в голову отнести смерть к силам природы. Но я поняла.

– Я еще не успел посмотреть твоего отправителя, если ты за этим пришла, – айтишник поставил папку на место и достал следующую.

Я покачала головой.

– Сегодня я к Каталине. Мы можем поговорить наедине? – повернулась я к ней.

Коллега Диза сразу нахмурилась.

– Нет.

– У меня к тебе вопрос...

Когда я умру. И как. И почему. Что может заставить меня покончить с собой? В моей жизни случалось всякое, но до сих пор я была уверена, что не склонна к суициду. Ментальное воздействие, как осенью? Но серебряные амулеты, висевшие у меня на шее, защищали почти от всех, кто был на такое способен – кроме Диза и руководства университета, но все же. Отчего баньши была так уверена в моей смерти?

– Я знаю. Нет, – последовал такой же жесткий ответ. Немного смягчившись, Лина пояснила: – Предсказание, произнесенное вслух, обязательно сбудется, помнишь? Я не стану отвечать на твой вопрос.

Я решила не настаивать. Должно быть, больно наблюдать, как твои знакомые умирают, и если она думала, что так дает мне шанс... Может, оно к лучшему, что Лина не ответила. Но все же я надеялась на ее помощь и не могла не почувствовать разочарование. Постаравшись улыбнуться и поблагодарив за толстовку, я выскользнула в коридор.

– Зачем она приходила? – послышался из-за двери голос Диза.

– Тебе лучше не знать, – после некоторого молчания ответила ему Каталина.

И от беспокойства в ее голосе становилось как-то не по себе.

Что подслушивать вредно, я поняла сразу же, когда взбежала на шестой этаж Оккультного института. Мастер Зебальд уже стоял под дверью, нетерпеливо открывая крышку часов на цепочке и защелкивая ее обратно – чтобы повторить маневр через десять секунд.

– Ты опоздала, – заметил он.

– Всего на пять минут, – которые потратила, стоя у айтишников под дверью.

Недовольно фыркнув, демонолог отпер дверь и пропустил меня внутрь. По щелчку выключателя комнату осветила люстра со старинным синим плафоном: черные стены, черный пол, черный потолок и одинокий стул в углу. На самом деле выбор цвета был обусловлен не мрачным настроением демонологов, а практичностью: все вышеупомянутые поверхности были одной большой графитной доской, на которой предполагалось рисовать круги призыва, защитные контуры и прочие знаки, придуманные, судя по их виду, сошедшим

с ума геометром.

Пока я искала оставшийся после предыдущего студента мел, Зебальд занял стул, закинул ногу на ногу и велел:

– Приступай.

Если кто-то думает, что практикум по демонологии – это весело и опасно, то могу его разочаровать. Это как урок по черчению: одно неверное движение – и перерисовывать придется все заново. А рисовать там приходилось много... и долго. Это Макс был способен по памяти за пять минут воспроизвести все три контура, необходимые для круга призыва, и практически любую сигиллу, я же ежесекундно сверялась со справочником и все равно часами могла исправлять ошибки.

Наверное, многим сама идея практического занятия по демонологии показалась бы забавной, если учесть, что главным умением демонологов было убийство демонов, а демоны в ГООУ числились такими же студентами, как остальные. Почти такими же: принимать в ГООУПиОАатСДиРН их стали совсем недавно и в крайне ограниченном количестве. Только элита элит, те, кто был достаточно развит, чтобы в дальнейшем адаптироваться к жизни в человеческом мире, и чьи кланы могли оплатить подобное удовольствие. В том числе информацией и содействием. Охотники многое не знали о Нижнем мире. И за эти данные были готовы даже пустить демонов в свой уютный солнечный мирок.

В последний раз проверив транспортиром углы, я отложила мел в сторону и глубоко вдохнула, прежде чем начать читать заклинание. На этот раз, находясь в замкнутом для магии пространстве, силу приходилось черпать не из окружающего мира, а внутри себя. И она сразу же ответила, огнем пробегая к пальцам и уходя в нарисованный мелом контур. Пространство передо мной исказилось – обычный эффект при построении порталов, воздух подернулся рябью, и...

Ничего.

В этом и заключалась проблема с демонами в ГООУ. Не то чтобы она была единственной, но конкретно эта особенно раздражала. К «элите элит» в Аду всегда относились сильнейшие, а чтобы по-настоящему призвать такого и связать его своей волей, надо быть столь же сильным магом. В противном случае всегда существовала вероятность того, что демон просто проигнорирует призыв, как муху, назойливо жужжащую над ухом.

Подумав, я достала телефон и напечатала сообщение.

«Ты где?»

Ответ пришел незамедлительно.

«В душе».

«Издеваешься?»

«Дай десять минут».

Ага. Как же, в душе она. Потому и эсэмэски набирает так быстро.

«Если решишь выкинуть такой же фокус на зачете, я его завалю».

«Зеби сердится?»

Я посмотрела на преподавателя, доставшего из ниоткуда газету и изучавшего передовицу.

«Еще как. Кажется, я ошиблась: зачет я завалю сейчас».

«Ладно».

Приняв последнее сообщение за согласие, я сунула телефон обратно в карман платья, прокашлялась и приняла максимально торжественный вид, снова зачитывая имя

призываемой.

– Ситри мен им эгур Карис! Ситри мен им эгур Карис! Ситри мен им эгур Карис!

На этот раз Карис все-таки изволила явиться. Но в каком виде: шелковый халатик-кимоно и так не прикрывал практически ничего, а уж когда она опустилась на пол... Даже не знаю, как ей удалось открыть еще больше кожи, чем было уже видно, и остаться при этом одетой. Стоило ей объявиться в круге, как в воздухе запахло вишневым цветом: кое-кто опять пытался воздействовать на Зебальда. Что ж, это объясняло ее наряд...

Некоторые (многие) демоны одним своим присутствием вызывали страх, потомки Ситри – влечение. В фэнтези ее, пожалуй, назвали бы суккубом. Карис могла заставить желать себя любого мужчину... И потому ее, согласившуюся подработать на факультете в обмен на посещение Недели моды в Нью-Йорке, назначили в пару мне, единственной студентке (упор на принадлежности к женскому полу) факультета демонологии.

– Признайся, ты это специально.

– Я была в душе. Но ты так торопила, что вышла в чем могла, – ответила она, накручивая на палец прядь влажных, нежно-розовых то ли от природы, то ли от краски волос и бросая взгляд на Зебальда. – Ладно, хорошо, ничего не могу поделать. Он симпатичный.

Я тоже посмотрела в сторону преподавателя, делавшего вид, что он с большим интересом читает газету и совсем нас не слышит. Ну, если кому-то нравятся бородатые мужчины...

– Он демонолог.

– И когда это кому мешало? Ты не против?..

Точно. Еще раз покосившись на Зебальда и убедившись, что он действительно читал, я ослабила защитный контур. По своему опыту я знала, что чувствуется он весьма неприятно: примерно как если кто-то пытался бы вытряхнуть душу из моего тела. Поэтому, вопреки правилам, подвергать других тем же ощущениям я не могла. Если бы я отпустила контур совсем, это бы заметил Зеб, но сейчас он хотя бы ощущался как... Я дотронулась пальцами до невидимой границы. Как легкая щекотка. Пережить можно.

– И о чем ты хочешь сегодня поговорить? – спросила Карис, вытягивая ноги, насколько позволял диаметр круга. Мой взгляд невольно задержался на гладкой коже и тонких щиколотках, но в следующий момент наведенное очарование рассыпалось прахом. Я могла признать, что с эстетической точки зрения у нее были красивые ноги. Но и только.

На том этапе обучения, где находилась я, единственным, что волновало моего преподавателя, было сколько я смогу контролировать круг. Телепортационная формула, инвокация, сдерживающий и защитный контуры... Все они отнимали много сил. Зебальд (и учебная программа) хотел узнать пределы моих. А чем мы с Карис будем заниматься, пока я не нарушу ритуал или не упаду от усталости, его (по крайней мере, внешне) мало волновало. Поэтому мы с ней болтали: она по моей просьбе рассказывала о демонах, я в свою очередь отвечала на ее вопросы о жизни в обычном мире и соглашалась обсуждать моду, косметику, ее учебу на факультете дизайна и вообще все, что ей в голову взбредет. Я не возражала: Карис была милой. Немного слишком общительной и полной энтузиазма, на мой вкус, но мне с ней повезло – разговоры на девчоночьи темы по-любому были веселее угрюмого молчания.

– Можешь рассказать об эмоциях? Как вы их ощущаете?

О демонах в ГООУ, если разобраться, ходило два слуха: они знают, что ты чувствуешь, и они не умеют любить. Если первый оказался правдой – эмоциональная телепатия давала им дополнительный способ невербальной коммуникации, в случае с людьми и магами

односторонней, – то со вторым было сложнее... Демоны обладали ограниченным эмоциональным спектром – примерно как у среднестатистического политика или психопата, – но насколько ограниченным?

– Почему такой вопрос?

– Просто интересно, – пожала я плечами. Мне не поверили. – Вчера один... из ваших стоял рядом со мной и не мог различить ревность. Решил, что я на него сержусь.

А сегодня сам сказал, что любить не способен. Карис отвлеклась от разглядывания преподавателя и с любопытством посмотрела на меня.

– Как зовут этого одного?

– Не важно, – отрезала я.

– Ты помнишь правила: я честно отвечаю на твои вопросы, ты на мои.

Она была права, мы договорились...

– Диз, – я не назвала настоящее имя, надеясь, что Карис его не узнает, но та расхохоталась. – Судя по всему, вы знакомы.

Еще одна из списка его подружек? Увы, мой намек Карис оставила без комментариев.

– Ладно, называй. Эмоцию, – объяснила она, заметив мое непонимание. – А я расскажу, как ее чувствую в других.

– Страх, – забросила я пробный камень, начиная с самых простых.

– Желчь и грейпфрут. Горько, – скривилась она, – мешает.

– Ярость?

– Красный острый перец. Опасность. Слишком вкусно, но забудешь об осторожности и сгоришь. Слишком сильно.

– Смелость, – наугад предложила я следующую. Можно ли ее вообще считать эмоцией? Если верить Дизу, то да.

– Имбирь и золото. Пузырьки шампанского на языке.

Общий принцип становился понятен. Насколько я могла судить, впечатления эти напоминали мои, но я ощущала похожим образом не чувства, а силу вокруг. В принципе, логично: люди, обычные (в меньшей степени) и маги, были такими же носителями энергии, как и все остальное. Только если в нашем мире магию можно было черпать еще из ветра и земли, то Ад был пуст. Наоборот, он вытягивал силы из своих жителей, продлевая таким образом свое существование. Именно потому и началось сотрудничество демонов с Охотниками: Ад умирал, и без ресурсов Земли жизнь в нем превратилась бы в выживание.

– Страсть?.. Желание, – уточнила я, когда она не ответила. – Не увлеченность чем-то.

Карис мечтательно прикрыла глаза.

– Клубничный дайкири. Сладко, пьянит.

– У тебя все ассоциации кулинарные?

Она пожала плечами.

– Он? – я кивком указала на Зебальда.

– Лед.

Тоже логично. Чем более эмоционально открыт был человек (не человек; в ГООУ мне раздражающе часто приходилось мысленно вставлять эту ремарку), тем менее защищен он был. Для того чтобы вытянуть из кого-то силы или ментально на него воздействовать, необходимо было, чтобы он раскрылся и прекратил сопротивляться. Так что почти все в ГООУ хранили свои эмоции при себе и мало с кем ими делились. Только я была белой вороной: меня с детства никто не учил, что сдерживать чувства нужно не только внешне.

– Я? – из любопытства спросила я.

– Всё... – Карис перевела внимание на меня, и под голодным взглядом янтарно-желтых глаз я вновь ощутила, что разговариваю не с человеком, каким бы ни был облик сидевшего напротив меня существа. – Ты уверена, что я тебе совсем-совсем не нравлюсь?

Все-таки она была неисправима. Запах вишни усилился, а я поймала себя на мысли о том, как удивительно ткань ее кимоно оттеняла белую кожу и волосы цвета весенней сакуры. И как один локон спускался прямо к ложбинке груди... Стоп. Достаточно.

– Извини, – улыбнулась я, стряхивая наваждение. – Но я совершенно гетеросексуальна.

А на случай, если бы не была, перед первым занятием Зебальд показал мне фотографии тех, кто становился любовниками демонов из круга Ситри. Тела, из которых жизнь выпили до последней капли. Седые волосы, иссохшая кожа, хрупкость пролежавшей тысячелетия в саркофаге мумии... Одна фотография меня особенно поразила: на старом лице двадцатилетней девушки даже после смерти застыло выражение какого-то неправильного, всепоглощающего удовольствия. Так что спасибо, но нет.

– А я недавно читала в глянце, что все женщины немного би...

– Значит, со мной что-то не так, – не стала я спорить и продолжила, игнорируя ее печальный вздох: – Ты?

– Ничего, – на миг во рту Карис блеснули острые как иглы клыки. И улыбка оттого вышла несколько хищной...

Ничего – потому что она не могла ощутить свои чувства или потому что их не было? Подумав, я не смогла прийти к выводу и решила вернуться к более простым вопросам:

– Вина?

На лекциях по введению в демонологию рассказывалось, что понятия вины или раскаяния у большинства жителей Ада отсутствовали – вместе с угрызениями совести. Про стыд спрашивать было бесполезно: как я выяснила в результате бесплодных попыток объяснить Карис, почему нельзя соблазнять моего преподавателя прямо во время практикума, неприемлемость в Аду тоже была пустой концепцией. Соответственно, и стыдиться нечего.

– Как это?

– Это когда понимаешь, что из-за твоего поступка пострадали другие, и сожалеешь о нем.

– Зачем делать то, о чем пожалеешь? И какое мне дело до других?

Верный образчик той особой, демонической логики, от которой хотелось биться головой о стену.

– Допустим, это кто-то, до кого тебе есть дело... У тебя есть ведь отец, верно? Ты говорила... Представь, ты сделаешь что-то, что причинит ему неприятности, или ослушаешься его...

– Тогда я умру, – спокойно ответила Карис. – Невозможно послушаться отца.

Ну да, оммаж, клятва верности и повиновения, которую они давали главе круга. Вероятно, я выбрала не самый удачный пример.

– Забудь. Нежность?

Карис недоуменно повела плечом.

– Любовь?

– Что такое любовь?

Я задумалась. Забавно, как, каждый день говоря и думая о любви, мы не даем ей четкого

определения – а то и сами его не знаем. Чем была любовь для меня?

– Любовь – это когда ты понимаешь, что хочешь быть с этим человеком... или не человеком. До самого конца, несмотря ни на что, вопреки всему.

Да, знаю. Пафосно. Больно и страшно. Глупо. Наивно и слишком романтично. Карис придерживалась того же мнения.

– С одним? Нет, это было бы слишком скучно. Это как конфеты или коктейли: бывают очень вкусные, но всю жизнь?..

Опять гастрономические сравнения. Я закатила глаза. Цепляясь за соломинку, я задала последний вопрос:

– Все демоны ощущают одинаково или это индивидуально?

– Индивидуально, конечно. Мы же разные. Но... – Карис посерьезнела, и на какую-то долю секунды сквозь ее человеческий облик опять проступил другой. Когти, появившиеся на удлинившихся ступнях, заскребли по графитному полу с неприятным звуком. – Мне знакомы те, кого заводят боль и унижение; те, кто получает наслаждение от смерти и страха; те, кого ведет вперед жажда обладания; те, кто не чувствует ничего, последние пугают даже меня...

Но о любви ни слова. Все понятно.

– А теперь моя очередь, – заявила она, встряхивая розовыми волосами и снова превращаясь в легкомысленную веселую Карис. Когти исчезли, будто их и не было. – Учти, это и по учебе важно, практически вопрос жизни и смерти...

– Ты хочешь стать дизайнером нижнего белья, – несмотря на полученную информацию, я не удержалась от улыбки. – Что настолько важного у тебя может быть по учебе?

Когда час спустя Зебальд подал измученной мне чашку чая (откат, как обычно, наступил сразу же, стоило погасить магию в круге и отпустить Карис), мне показалось, что он на меня как-то странно посматривал.

– Я что-то сделала не так?

Сейчас я чувствовала себя слишком погано, чтобы гадать, что означали его взгляды.

– Ты задаешь любопытные вопросы. Не могу сказать, что оригинальные, каждый демонолог проходит эту фазу, но... Мне отстранить тебя от занятий?

Глотнув невыносимо сладкий «Эрл Грей», я поморщилась и тихо сползла по стеночке. Стоять сил не было, а уступить стул кое-кто не додумался. Зеб снова фыркнул, давая тем самым оценку моему состоянию.

– Нет.

Ничего ведь не было. Между мной и Дизом. Ничего такого, из-за чего мой интерес мог стать личным. Опасным... Верно?

Глава 3

Друзья и проблемы

Во Вселенной явно существует закон: если посреди недели у тебя появилась возможность выспаться, что-то обязательно пойдет не так. Произойдет пожар с землетрясением; безо всякой причины включится аварийная сигнализация; ты срочно в шесть утра понадобишься кому-то, кто не вспоминал о тебе уже полгода... Распахнув глаза, я несколько секунд потратила на то, чтобы понять, где нахожусь и чем был тот резкий звук, вырвавший меня из сна, после чего тихо позвала:

– Макс?

– М-м?

– Твой телефон звонит.

Никакой реакции. Подождав немного, я попробовала достучаться до него еще раз.

– Макс?

– Да? – сонно пробормотал он мне в затылок.

– У тебя рука тяжелая, – пожаловалась я.

Стоило сказать, как руку с моей талии убрали. Немного поерзав, я постаралась устроиться поудобнее и снова заснуть, раз гудение прекратилось. Не тут-то было: лежавший на комод сотовый опять сердито завибрировал. Выдохнув что-то неразборчивое и явно нецензурное (автопереводчик ГООУ скромно решил выражение не переводить), Макс в поисках мобильного зашарил рукой по стоявшему в изголовье комоду. Гудение прекратилось, и он сел, бросив попытки отыскать сотовый на ощупь. Я перевернулась на другой бок, чтобы лучше его видеть.

– Только не говори, что это Гргур, – попыталась пошутить я; выражение лица Макса заставило сразу насторожиться, – и он сейчас вернется. Еще слишком рано, чтобы выгонять меня на улицу.

– Нет, – задумчиво ответили мне.

А закушенная нижняя губа понравилась мне еще меньше нахмуренных бровей. Попрощавшись со сном, я мысленно вздохнула и села рядом, прижимаясь щекой к его плечу.

– Ты не будешь перезванивать?

Уточнение «вообще или только при мне» так и осталось невысказанным вслух.

– Что-то не хочется, – признался Макс.

Горячие мозолистые пальцы прошли по моему запястью, повторяя один за другим золотые росчерки шрамов. Я быстро отдернула руку и потянулась за одеялом.

– Прекрати.

– Прекрати их прятать, – парировал Макс, глядя, как я замоталась в одеяло по шею. – Seriously, зачем?

– Они уродливые, – пробурчала я.

– Они красивые.

Спасибо, конечно, за попытку утешения, но...

– Мы оба знаем, что это не так. И оба знаем, как они выглядят.

– Как? – мягко спросил он.

Словно я была чертовой наркоманкой. В числе экспортируемых из Ада товаров была и драконья кровь. Официально – для создания артефактов. На самом деле большая часть

оседала на черном рынке, как сообщил мне один из справочников, попавшихся в библиотеке. Хочешь – глотай, хочешь – закапывай в глаза, и мгновения всемогущества, мучительно острого и сладкого, тебе обеспечены. Но лучше всего будет, если смешать драконью кровь со своей... Жаль только, что и плата за такое удовольствие была высокой, мало кто выдерживал больше дюжины сеансов. У меня следов от порезов было больше двадцати. Неудивительно, что они притягивали столько любопытных и полных брезгливости взглядов.

– Меня уже напрягает, как удивительно легко тебе попадают в библиотеке нужные книги, – прокомментировал Макс. – То «Запретные ритуалы» из закрытой секции, теперь это...

Я хмыкнула.

– Не тебя одного. Но все-таки – это был Коннор? С ним что-то случилось? Или с... – я поспешно замолчала. Их мать была темой, находившейся за границей дозволенного мне.

– Нет, – даже если Макс и хотел сказать что-то еще, не успел: в комнате снова стал слышен поставленный на вибрацию мобильный. Бросив взгляд на свой сотовый, Макс удивленно посмотрел на меня. – Это твой.

Мой?

– Да что за утро сегодня такое, – посетовала я, оборачиваясь и протягивая руку за телефоном. Заодно взяла с комода жетоны на простом кожаном шнурке. Кровавое серебро, самая сильная защита от демонов. Ничего странного, что с ними в руках мне сразу становилось как-то спокойнее.

Разглядев на экране сообщение, я нахмурилась. «647. *Принеси кофе*». Какого?.. Обычно эсэмэски, выдержанные в подобном стиле, мне посылала София. Я посмотрела на отправителя. «Смерть», – радостно сообщил мне автопереводчик ГООУ. Ну конечно. Кто еще мог написать мне в половине седьмого утра. (Внутренний голос подсказал, что Райли могла, увлеченная очередной своей поделкой.) Интересно, это месть за несвоевременный поход в IT или он выяснил что-то важное? Несколько дней я от него ничего не слышала, а тут внезапно...

– Это по делам редакции, – объяснила я Макс, прежде чем он успел спросить. – Извини, но срочно.

Строго говоря, «по делам редакции» не означало «из редакции» и потому ложью не являлось. А Макс, казалось, даже был рад сейчас от меня избавиться.

Дойдя до своего общежития, я поднялась на верхний этаж и свернула на кухню. Перебросилась парой слов с Лаурой, девчонкой из соседней комнаты, отстояла очередь к кофемашине и сосредоточилась на плакате «Сохраняй спокойствие и думай о хорошем». Автомат, настроенный на распознавание эмоций, нам так и не поменяли. Жаль, потому что мы с ним не подружились. По мнению норовистой машины, во мне было слишком много агрессии. Ее это, видите ли, обижало. А меня обижала та бурда, которую она мне варила вместо кофе.

О хорошем... На ум сразу пришел Макс. Не хмурый, как сегодня утром, улыбающийся. Мне так редко удавалось застать на его лице улыбку. В последний раз я видела ее в прошлое воскресенье. Тогда за окном шел дождь, и мы весь день сидели – он сидел, я лежала головой у него на коленях – в общей гостиной, гоняя фильмы про супергероев и ехидно их комментируя друг другу. На несколько часов в тот день он даже стал похож на того, кем должен был вырасти: на восемнадцатилетнего подростка, не задавленного проблемами и грузом ответственности. Хотела бы я видеть его таким чаще, но...

О хорошем... Разговор с родителями. Я так рада была видеть их в скайпе на этой неделе... Пока мама не упомянула, что они думают, не съездить ли им в Москву, со мной заодно повидаться. Их приезд был для меня самым большим кошмаром, мучившим меня на протяжении уже полугода. Как бы я им объяснила, что не смогу с ними встретиться? Что на самом деле учусь не в Москве, а в Оккультном университете на границе между мирами? Что даже сейчас чувствую не аромат свежемолотого кофе, а электричество, бегущее по скрытым в стене проводам, и запах морской воды от сидевшего за кухонной стойкой селки^[5]?

Нет, думать о хорошем решительно не получалось. Подцепив красную пол-литровую чашку с поддона, я аккуратно пригубила напиток. Да... Надеюсь, Диз меня простит.

Дверь в шестьсот сорок седьмую комнату мне открыл чрезвычайно серьезного вида парень. Очки, кружка с кофе, толстенный учебник в руках... и два метра роста. Где они их в ГООУ берут, таких высоких?

– Я к Дизу, – сообщила я, задирая голову.

Впускать меня не спешили. Окинув меня внимательным взглядом, его сосед нахмурился.

– Мне казалось, в прошлый раз ты была немного выше, – он провел ладонью по воздуху сантиметрах в десяти над моей головой. А мне казалось, в прошлый раз я вообще не заходила. – Или выше была предыдущая девушка...

– Ты, наверное, про Эрику, – угадала я, вспоминая, как Каталина назвала последнюю из них. – Я не девушка, я... проблема.

– Это не девушка, это друг. Пропусти ты ее уже, – одновременно со мной произнес Диз, выходя из ванной. Кинул влажное полотенце в корзину для грязного белья и улыбнулся. – Проблема, значит? Самокритичность – это что-то новое. Мне нравится.

Между прочим, он сам меня так называл. Давно уже... Но это было в прошлом. А «друг» тоже звучало неплохо.

Правда ведь?

– Надеюсь, ты принесла кофе?

Я молча протянула ему чашку.

– А поесть?

– А сказать сразу не мог?

Пожав плечами, Диз залпом выпил кофе, поморщился и, не говоря ни слова, вышел из комнаты. Мы с соседом проводили его одинаково недоуменными взглядами, потом тот повернулся ко мне.

– Друг?

Я невольно повторила Дизов жест и села в ногах его кровати.

– Похоже на то.

Скрестив руки на груди, брюнет с большим подозрением рассматривал меня. Интересно, что он ожидал увидеть? Стянув и без того длинные рукава кардигана еще ниже, я сцедила в кулак зевок и украдкой оглядела комнату. Наша с Софией шла по четной стороне, и из окна был виден газон, окружавший главное общежитие. Окно их комнаты выходило прямо на кухню. Веселая, должно быть, панорама. У подоконника стоял спертый из той же кухни барный стул – по лежавшим на нем же сразу трем ноутбукам я даже догадывалась чей. Ну да, письменный стол ведь при двух кроватях на комнату полагался всего один...

Диз вернулся, хлопнув дверью, – с черничным йогуртом в руках и ложкой за ухом, и внимание брюнета в очках переключилось на него.

– С каких пор друзья приносят кофе в постель? – поинтересовался он.

На что это он намекал? Я решила вмешаться.

– Чисто технически в постели сейчас только я, – я похлопала ладонью по зеленому в черную клетку пледу, – и у меня кофе как раз нет.

Моих оправданий не заметили.

– Надеюсь, от меня ты не ожидаешь того же? Чисто по-дружески, – продолжил сосед.

– Так мы все-таки друзья? – оживился Диз, зачерпывая ложкой йогурт. – Бенедикт – Наташа. Наташа – Святой Бенедикт.

– Действительно святой?

А что, в ГООУ все было возможно.

– Нет, – мрачно ответил брюнет. – Это дурацкая шутка, которая почему-то кажется ему остроумной.

– Действительно святой, – подтвердил Диз и прошел мимо нас к подоконнику. – Живет в ските, чужд мирским искушениям, денно и ночно учится, посвятив себя спасению рода человеческого. Демонолог, – пояснил он для меня последний пункт, – и совершенно зря выбрал эту специальность, я всегда ему повторяю. Ибо, как говорил святой Альберт про демонологию, а *daemonibus docetur, de daemonibus docet, et ad daemones ducit*.

Мы с Бенедиктом снова переглянулись.

«Сноб», – ясно читалось в его взгляде.

«Позер», – мысленно согласилась я.

– Да ладно, неужели никто не знает латынь? Что вы делали двенадцать лет в школе?

– *Vade retro*^[6], – буркнул Бенедикт, сопроводив пожелание весьма характерным жестом, так, что даже я поняла, хотя не изучала мертвые языки.

– У меня была одиннадцатилетняя программа.

– Это, конечно, все объясняет, – согласился Диз и вздохнул. – «Ей учат демоны, она учит о демонах, она приводит к демонам». Дальше переводить надо?

Нет. Я поняла, что он хотел сказать. Особенно последнюю часть. Демонология была не тем предметом, который можно забыть, закрыв учебник. Слишком многое на ней узнавал. И рано или поздно перед слушателем курса вставал выбор: видеть в демонах чудовищ, действительно достойных уничтожения, – и принять их методы в борьбе, стать ничем не лучше них ради якобы благой цели – или... попытаться их понять. Рассмотреть в монстрах таких же, как ты, существ, опасных, с человеческой точки зрения искореженных своей природой и культурой, но равных тебе. Большинство демонологов выбирало первый вариант. Я...

Наконец я поняла, что в латинском выражении показалось мне знакомым. Введение в демонологию, шестая лекция.

– Подожди, – обратилась я к Бенедикту, – так это ты пытался изгнать его святой водой и перевернутыми башмаками?

Сосед Диза скривился, как от зубной боли.

– Видишь, я говорил правду, когда попросил твой конспект для девушки, – прокомментировал от подоконника Диз. – Зря ты не поверил. Ладно, Нат, а теперь иди сюда.

Я сразу посерьезнела. Так из-за чего он позвал меня?

– Кому ты рассказала, что показывала мне письма? – добрым-предобрым тоном поинтересовался демон.

Только вот выражение глаз голосу мало соответствовало.

– Никому, – удивилась я.

– А если подумать?

– С кем, по-твоему, я могла об этом говорить? С Максом, что ли?

Пристально посмотрев на меня, Диз кивнул. Поверил.

– Тогда как ты объяснишь это?

Я послушно посмотрела на монитор верхнего, открытого ноутбука. Сначала мозг отреагировал на странный алфавит, похожий на то, что получилось бы, если угаритское письмо [7] смешали бы с огамом [8], – рума, наречие, использовавшееся в южных пределах Ада. Потом включился университетский автопереводчик, продвинутая версия для студентов факультета демонологии:

«Смерть придет в этом году».

О, черт. Теперь и ему тоже? От мысли, что я подвергла его опасности, стало не по себе. Но в самом деле, как отправитель на него вышел?

– Ты переслал мое письмо себе, может, поэтому получил?..

– Теория неплохая, – согласился Диз. – Но я отправил его на свой рабочий ящик. Этот – личный.

Тогда загадка. Я наклонилась к компьютеру и вчиталась в превью предыдущего письма.

– Не то чтобы я лезла в твою почту, но тебе тут и в соседнем письме обещают бестиарий [9], свежевание и... кровавого орла [10]? Что это? – Чем бы оно ни было, судя по первым двум пунктам списка, ничего приятного ожидать не стоило. – Это тебе тоже аноним прислал? Я такого не получала.

– Что? – Диз на мгновение перестал соскребать остатки йогурта со стенок стакана. – А, нет. Это отец приглашает домой на каникулы.

– Твой отец посылает тебе имейлы?!

Я не знала, чему удивляться больше: наличию в Аду интернета или уровню компьютерной грамотности тысячелетнего демона. Или, собственно, содержанию письма...

– Строго говоря, печатает и посылает их его секретарь. Отец только диктует.

Снова взглянув на превью, я нервно сглотнула.

– Хорошенькое приглашение...

– Поэтому я не спешу им воспользоваться, – Диз потянулся и захлопнул крышку ноутбука, прежде чем я успела рассмотреть что-то еще.

– Он всегда такой... – с намеками у меня было хреново, поэтому я решила спросить напрямую: – У тебя проблемы?

Диз нахмурился.

– До тех пор, пока я нахожусь на территории университета, нет. Мы можем закрыть эту тему?

Нет. Не можем. Оглянувшись на Бенедикта, который, казалось, был увлечен чтением, я тихо спросила:

– Из-за меня?

И Мора, которому Диз должен был хранить верность. Из-за того, что в прошлом семестре он решил помочь, хотя мог остаться в стороне.

– Частично.

По крайней мере, Диз был честен. Чувство вины обрушилось на меня с новой силой, поэтому я не могла не предложить:

– Если хочешь, бросай это дело. Забудь о моей просьбе. Я пойму, правда.

И даже поприветствую такое решение. Я не могла исправить то, что наделала осенью,

но меньше всего хотела бы доставлять ему неприятности. Зато Диз, кажется, оскорбился.

– И не выяснить, кто обнаружил мой ящик, который в университете никому не известен? Не думаю. В этом деле мы разберемся вместе.

И хотела бы я верить, что никто при этом не пострадает...

Но не получалось.

– Милый, – оценила я профильное фото незнакомого мне блондина, присаживаясь рядом с Райли.

– Милый, – согласилась она и поджала губы. Даже на стакан с кофе, который я поставила перед ней, не обратила внимание.

– Почему мы сидим в первом ряду?

Помня неудачный опыт посещения лекций по алхимии, я бы предпочла последний. Конечно, за спинами однокурсников ничего не разглядеть, зато и меня не видно. Но места выбирала Райли, я в это время стояла в очереди в столовой.

– Потому что это не политэкономия.

Рыжая снова уставилась в экран телефона. Если судить по выражению ее лица, придиричивому и недовольному, там был изображен не симпатичный парень, а одно из чудиш справочника «Сверхъестественные существа Европы». В разрезе.

– Ладно, что с этим не так? Опять молоко не обезжиренное?

Райли тяжело вздохнула.

– Обезжиренное.

– Тогда что?

– Он... милый. Веселый. Представляешь, с ним есть о чем поговорить, – оживилась рыжая. – У меня это впервые! Он тоже на артефакторном учится, даже знает, что такое коэффициент Нимбади-Кронаха!

Я честно попыталась вспомнить:

– Это то, о чем вы с Максом на прошлой неделе спорили?

– Ага. И он согласен со мной, опасно совмещать его с усилителем Уилфорда...

Я ненадолго отключилась, отдавая должное своему капучино. Я и в лучшие времена не слишком хорошо разбиралась во всех этих ритуальных формулах и коэффициентах, а уж после такой ранней побудки... Зато пока я молчала, был шанс сойти за внимательного слушателя.

– Тогда в чем дело? – спросила я, когда восторги по поводу формулы имени еще кого-то слегка поутихли.

Райли поболтала трубочкой в стакане.

– В том, что он милый. И только. А где страсть? Где сумасшедшая любовь с большой буквы?

В книжках. В кино. Но не всегда в жизни. А если она и встречалась...

– Любовь с большой буквы обычно заканчивается болью с такой же большой буквы, – предупредила я. – Я думала, ты поняла это по Тоби.

Услышав имя бывшего, она поморщилась.

– Все равно! Должно же быть что-то еще!

– Возможно, оно будет. Потом. А пока, может, тебе хватит того, что он милый? Идеалов все равно не существует, сколько ни ищи.

– Тебе легко говорить, – пробурчала рыжая, – ты вон уже нашла.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что у вас с Максом идеальные отношения.

У нас? Я растерялась. А потом призадумалась: может, со стороны так и выглядело.

Макс неизменно был внимателен. Встречал вечером, приносил на свидания кофе и даже помнил про мои сериалы. (Клянусь, я никогда не знала, что такое настоящая забота, пока однажды, совершенно измученная после шести пар, не получила сообщение: *«Скачал финал, знал, что ты захочешь посмотреть. Ужин тоже взял. Приходи, Гргура нет»*.) Я, если и не была лучшей девушкой в мире, честно старалась. Это было несложно: мне нравился Макс, нравилось проводить с ним время, лежать щекой у него на груди и слушать, как успокаивающе монотонно бьется его сердце, нравилось, что было с кем посмеяться над только нам двоим понятной шуткой. Но...

– Это потому, что мы не влюблены, – наконец сказала я.

По крайней мере, я не была. И надеялась, что Макс тоже, иначе в этой ситуации я выглядела бы совсем некрасиво. Но за эти четыре месяца у меня не было ни единого основания заподозрить, что он испытывал ко мне что-то больше симпатии. Мы были хорошими друзьями – были бы, если бы не пытались делать вид, что встречаемся, – которые похоже мыслили и смотрели на мир. Но не более. Он для меня являлся способом отвлечься от другой влюбленности, неправильной и невозможной. Я для него – единственным шансом хоть немного пожить иллюзией нормальной жизни. Только я (и Райли, но представить этих двоих парой мне не хватало фантазии) знала, что с рождения Макс принадлежал Охотникам. И меня это не пугало. Со мной Макс мог не скрываться. Не лгать. Не придумывать утомительные отговорки вместо своего короткого *«Дела, извини»*.

Конечно, я могла ошибаться насчет его чувств – и быть в таком случае худшим человеком на Земле. Но, как я уже говорила, я надеялась, что мы оба не были влюблены.

А когда влюбленности нет, все очень просто. Нет застилающей глаза ревности, заставляющей перебирать в уме каждый брошенный взгляд, каждое сказанное слово (*«Дела»?* Какие такие дела?). Нет передела зон влияния. Нет попыток сломать чужие стены. Справедливости ради, мне бы хотелось, чтобы Макс открылся. Потому что, несмотря на отсутствие любви, он был мне не безразличен, а боль, которая его снедала, невозможно было не видеть. Но такая откровенность требовала взаимности, а я... малодушно боялась сделать этот шаг. И не я одна: каждый из нас постоянно боялся подойти к другому слишком близко. Так и получалось, что ссориться нам было не из-за чего, делить – нечего, разговаривать... кроме повседневных безопасных тем, тоже не о чем.

Такое вот одиночество вдвоем. Зато идеально выглядящее.

– Окей, если смотреть на это с такой стороны, то звучит ужасно, – Райли передернула плечами от отвращения. – словно какой-нибудь средневековый брак по расчету. Зачем тебе это?

Зачем? Сложно было объяснить это вслух. Странный выбор для восемнадцатилетней девушки: вместо романтической и пылкой любви рассудочные, прагматичные отношения? Возможно. Но не такой и плохой. Особенно если учесть, что мне было категорически противопоказано влюбляться.

Моя трагическая влюбленность номер один была типичным плохим мальчиком: пирсинг, выкрашенные в черный волосы, россыпь татуировок на руках, огромное самомнение, высокомерные улыбки и ревуций в ночи мотоцикл. Алкоголь, травка и плохая компания шли в комплекте. В тот год, польщенная его вниманием, я полностью растворилась

в нем: забросила учебу, летела к нему по первому зову, соглашалась на то, на что ни в коем случае нельзя было соглашаться, пыталась исковеркать себя, чтобы больше ему подходить... А потом долго оттирала с кожи его прикосновения, еще дольше вымарывала из памяти лживые слова и обещания и до сих пор чувствовала жгучий стыд за то, что оказалась такой наивной.

Моя трагическая влюбленность номер два была демоном. Это не оценка и не суждение – он в самом деле родился в Преисподней. Был ли это по сравнению с первым разом прогресс или регресс, я не знала. Хотя... Нет, вряд ли это был прогресс, если учесть, что мое чувство обречено на невзаимность.

Думаю, теперь понятно, почему мне нельзя было влюбляться? Едва ли в мире нашлась бы другая девушка, которую бы тянуло к настолько неподходящим парням.

Тем более что влюбляться не всерьез я не умела. О нет, мои влюбленности протекали тяжело и болезненно, с полной самоотдачей, процентов на все сто сорок шесть: чтобы и в огонь за него, и в воду, и кроме него больше никого не видеть. (А если кого-то удивляет, как я с такими наклонностями еще осталась жива – во всем виноваты обстоятельства, не позволившие проявить чувства в полной мере.) Поэтому давать сердцу карт-бланш я больше не собиралась. Цитируя Джейн Остин, «я обдумала свой план, и, если сумею его придерживаться, мои чувства подчинятся разуму»^[11]. Как в случае с Максом.

С Максом все было... спокойно. Надежно. Безопасно. И это было именно то, в чем я сейчас нуждалась. В перевернувшемся с ног на голову мире мне требовалась константа. Уверенность в том, что завтра хоть что-то останется неизменным. Макс мог мне ее дать.

К счастью, от объяснений меня избавила своим появлением преподавательница. Оглядев заполненную аудиторию, брюнетка с длинной тяжелой косой вздохнула и отхлебнула из картонного стакана с логотипом университетской столовой.

– Добро пожаловать на интенсив по магически активным добавкам, или, как вам уже наверняка сообщили друзья, осмеявшие ваш выбор, зельеварение для новичков, – скороговоркой поприветствовала нас она. – Программа курса у вас на почте; для тех, кто еще не освоил интернет, напоминаю: два раздела, промежуточный тест, финальный тест, оба – множественного выбора. Практикум на этом курсе не предусмотрен, кто хочет, приходите к нам в первый биохимический по средам и четвергам с трех до пяти. Два главных направления в нашем деле – это использование магии в сочетании с природными субстанциями и применение ингредиентов, имеющих изначально магическое происхождение, в первую очередь ихор, но не только. Сегодня мы пройдемся с вами по основам и выучим наиболее важные группы зелий. Хотя, я смотрю, самое главное из них вы уже знаете, – сделав паузу, преподавательница с одобрением оглядела аудиторию, большинство студентов в которой, несмотря на далеко не самый ранний час, сжимали в руках стаканы с кофе. – Молодцы, вам пригодится. Ладно, значит, поехали. Список литературы...

Сотовый в кармане кофты завибрировал, и я на секунду отвлеклась от включившегося проектора.

«Любопытно, но письма тебе в самом деле были отправлены с твоего компьютера».

Диз. Я быстро набрала ответ.

«Это не я».

«Знаю».

Убирая смартфон обратно в карман, я заметила, как Райли решительно закрывала

страницу с профилем того блондина.

– Я все равно считаю, должно быть что-то еще, – прошептала она мне.

Я пожала плечами.

Каждому свое.

Эсэмэска от Диза не шла у меня из головы. Но еще больше меня беспокоило письмо от его отца.

Не стоило просить его о помощи.

Но, раз сделанного не вернуть, значит, надо разобраться со всем самой. Раньше, чем Диз окончательно увязнет в этом деле.

Библиотека ГООУПиОАатСДиРН выглядела, как всегда, пустынной и заброшенной. Проигнорировав указатель «Закрытая секция», я перелезла через стойку библиотекаря – увы, того в открытой секции не было, вместо него студентов встречал скелет с медицинского факультета – и открыла белую металлическую дверь, ведущую в подвал. Нет, следуя плану, в закрытую секцию попасть тоже было возможно, требовалось только спуститься в каменный колодец, пройти лабиринт и пережить встречу с хтоническим божеством и парой адских гончих. Я знала путь покороче.

Спустившись, я достала из кармана сделанный Райли слепок ключа и вставила его в замочную скважину, почти незаметную в зеркальной стене. Как я успела выяснить в прошлом семестре, чтобы попасть в закрытую секцию, нужно было либо вбить пароль на допотопной компьютерной тумбе, служившей заодно библиотечным каталогом (увы, в отличие от Диза, у меня хакерские способности напрочь отсутствовали), либо иметь ключ. У меня он имелся, руководство ГООУ, можно сказать, само мне его дало. Зеркальная стена растворилась, и на ее месте возникла старая дубовая лестница, спускавшаяся с моего балкона в настоящую библиотеку. Тысячи монументальных шкафов образовывали сложную мандалу, и мне нужно было решить, куда направить свои стопы.

Что я искала? Заклинания, действовавшие по принципу охранного контура, в редакции были бесполезны: к нам на халявный кофе и поболтать вечно заходили все кому не лень, а в те дни, когда в центре пропадала входная дверь, наше окно становилось единственной возможностью попасть на работу – или удрать с нее. Итог: слишком много «подозреваемых». Что-то, что ограничило бы радиус действия моим столом? Я бы сейчас не отказалась от какого-нибудь магически-дактилоскопического набора: посыпал волшебным порошочком стол и по ауре понял, кто к нему подходил. Я задумчиво почесала шрамы на руке. Сомневаюсь, что такие порошочки существуют.

А еще этот ректорский приказ, чтобы в редакции всегда кто-то присутствовал. Нелепый, но подозрительно актуальный... Как аноним обошел его? Допустим, мы не стояли на страже, бывали моменты, когда кто-то отходил на пару минут, но, чтобы этими мгновениями воспользоваться, нужно было следить за помещением. Иначе кто-то наверняка заметил бы незнакомца, сядившегося за чужой компьютер. Если только аноним не был...

– Призраком, – сообщил голос слева, заканчивая предложение за меня и не так, как я хотела.

Я резко обернулась: левее на перилах не пойми откуда возникла девушка лет двадцати пяти. Одета в черную майку и джинсы, она легкомысленно болтала ногами в воздухе и рассматривала книжные шкафы этажом ниже. На каждом плече у нее сидело по ворону.

– Это Шелли, а это – Стокер, – представила она своих спутников.

По крайней мере, не Хугин и Муни^[12]. Уже хорошо.

– А ты?

Девушка посмотрела на меня и улыбнулась. Вышло угрожающе.

– Меня зовут Бертрам. И ты в моих владениях.

Значит, библиотекарь. А я уже начала сомневаться, что в ГООУПиОАатСДиРН существует такая должность.

– Не хочу показаться невежливой, но разве Бертрам обычно не мужское имя?

– Мужское, – подтвердила она.

По крайней мере, я предполагала, что передо мной было существо женского пола. На всякий случай я еще раз посмотрела на библиотекаря: длинные черные волосы спускались до талии; тонкие черты худого лица; кость тоже тонкая, грудь... отсутствующая.

Нет, сдаюсь.

– Опять не хочу показаться невежливой, но ты он или она?

– Эти ваши любимые человеческие дихотомии... А есть разница? – библиотекарь погладил(а?) сидевшую на левом плече птицу. Ворон при этом не сводил с меня презрительного взгляда. Чем я ему не понравилась?

Я пожала плечами.

– Нет вообще-то. Просто я из России, а у нас в третьем лице прошедшего времени у женского и мужского рода окончания разные. Хотелось знать, как о тебе правильно думать.

Библиотекарь хмыкнул(а?).

– Знаешь шутку, что, если сомневаешься, зови меня просто: Ваше Величество? «Они» вполне сойдет.

Ладно. «Они» так «они».

В ГООУ быстро учишься относиться с уважением к чужим странностям. Тем более что за эти странности тебе здесь могли, как выражалась Райли, откусить голову. Иногда в буквальном смысле.

– Вы демон, верно? – на всякий случай уточнила я. – Малфас?

Первое я начала подозревать, еще когда увидела библиотечный каталог, заполненный на рума. О втором заставили догадаться птицы, проживавшие в библиотеке и все как один носившие имена классиков. В одном из своих облиций потомки Малфаса выглядели воронами.

– Верно. А ты Соколова. Гени, уровень опасности С+ по европейской классификации стандарта ВЗ; особых способностей, кроме приобретенной гиперсенситивности к присутствию магии, не выявлено. Второй семестр, выбранная специализация: демонология. Средний балл: три целых четыре десятых. Количество посещений закрытой секции: тринадцать. Последние поисковые запросы в библиотеке: нелегальное применение драконьей крови, полный список сверхъестественных существ Земли, поисковая формула Саффата.

– Не искала я никакого Саффата, – только и сумела возразить я, услышав такую биографическую справку.

Почему в ГООУ обо мне все знали всё, а я об остальных – ничего? Так нечестно.

– Сейчас будешь, – успокоили меня библиотекарь.

Поразмыслив, я не стала спорить. Еще одна неприятная особенность детей Малфаса: они читали мысли. И раз библиотекарь сказали, что буду, стоило им поверить. Один только вопрос: они узнавали о моих поисках без вопросов и, видимо, сами ненавязчиво

подкидывали мне нужные книги, почему же сейчас решили подойти лично?

– Я давно уже ищу помощника. Мне не помешал бы кто-то вроде тебя, – ответили мне на невысказанный вслух вопрос.

– Вроде меня – это какого?

– Такого, кто меня не боится, – вороны вспорхнули с плеч, и Их Величество библиотекарь спрыгнули со своего насеста на перилах. – Отчего-то среди студентов таких мало. Я уже устали отвечать ректору, почему в библиотеке так мало посетителей.

Я даже не знала, что ответить на такое предложение.

– У меня уже есть работа.

– Когда не станет, приходи, – посоветовали мне; на зловещем «когда» я тоже предпочла не заострять внимание.

– Так что вы говорили о призраках?

– Если призрак был в тот момент невидим, его могли не заметить. Никто в вашем шуме не обратит внимания на звук клавиатуры.

В нашем шуме... Интересно, и часто ли библиотекарь бывали в редакции?

– А они так могут? Становиться невидимыми?

Что часть студентов в ГООУ является привидениями, я уже знала, но встречаться мне с ними до сих пор не доводилось.

– Плюсы бестелесности, – библиотекарь поспешили вниз, перепрыгивая через ступеньку, я последовала за ними.

– Кстати, раз уж вы тут, всегда хотела спросить: где мы находимся? Мы ведь уже не в университете?

Одно из витражных окон как раз было распахнуто: за ним далеко внизу были видны облака, красные от закатного солнца. И это в подвале. Посреди дня.

– В университете. Знаешь, что такое «карман»?

Да. «Кармашком» ласково называли точку межмирья, привязанную либо к определенному месту в реальности, либо к магу, который в любой момент отовсюду мог до нее дотянуться. У Макса, я знала, в таком подпространстве был спрятан серебряный кинжал. Диз, в своем обычном позерском духе, использовал его как самый банальный карман для всякой всячины и таскал в нем сигареты, очки и ручки. Я... была слишком слаба, чтобы создать подобную привязку. Поддержание кармана, даже самого маленького, было слишком затратно в плане сил и потому мне недоступно.

– Закрытая секция – карман внутри кармана. Двойное подпространство, – пояснили Бертрам, проводя меня вглубь библиотеки. Поскольку лавировать между рядами им было лень, приходилось шкафам с книгами самим расступаться. – Вот она.

Я с сомнением посмотрела на протянутый мне томик.

– Она не кусается, – заверили меня.

Как будто это было единственной опасностью в библиотеке! А как насчет обложек, вызывавших сыпь? Учебников, нагревавшихся у тебя в руках и оставлявших ожоги? В конце концов, просто томов с красным стикером на корешке, означавшим «Осторожно, проклято»?

– Когда я тебя обманывали?

Строго говоря... никогда. Подумав, я все же приняла книгу.

– Вернешь, когда придешь за литературой по географии Пандемониума, – они еще и знали мое учебное расписание. Блеск. – Можешь не благодарить.

Это хорошо, потому что говорить «спасибо» я не спешила. Если я выучила что-то за эти

месяцы на факультете по демонологии, так это то, что вежливость для демонов тоже была преимущественно пустой концепцией. И ни в коем случае не следовало обозначать перед ними свой долг, если только не предполагалось, что в дальнейшем они воспользуются твоей благодарностью.

Его присутствие я почувствовала еще у лифта. Дождь, промозглая серость и угольная пыль. Макс. Я поспешила убрать книжку в рюкзак и принять веселый вид.

– Не думала тебя тут увидеть. Давно ждешь? И чего ты не позвонил? Зайдешь к нам или так постоим?

Вместо ответа он улыбнулся, притянул меня за подбородок и поцеловал. Крепко, жадно, будто прощаясь.

– Чем я это заслужила? – пошутила я после, позволяя себя обнять. Футболка под моей щекой казалась такой же горячей, как я сама. Магия. Изначальный Огонь. Обычно он успокаивал, но...

Что-то было не так.

– Меня пару дней не будет в университете, – подтверждая мои предположения, виноватым тоном сообщил Макс.

Я вскинула голову, пытаюсь поймать взгляд голубых глаз. Из-за того утреннего звонка?..

– Все-таки Коннор? Ваша мать? Что случилось?

– Ничего, просто... – Макс колебался.

Я знала, что он сейчас скажет: «Дела, извини».

«Только не извиняйся, – хотела я его попросить, – пожалуйста, не надо...»

Но как объяснить человеку, что его проблема – не его вина?

– Дела, извини...

Пользуясь тем, что я все еще находилась в его объятиях, я снова спрятала лицо у него на груди.

И как помочь тому, кто не просит?

Иногда – сейчас – я безумно хотела, чтобы Макс доверился мне, сказал, что его так гложет. Но он никогда этого не делал. Я даже не была уверена, смог бы он открыться. Не мне, просто... кому-то. Всю жизнь прожив в семье, презираемой как магами, так и Охотниками, скрываясь от обычных людей, так рано лишившись отца и матери... Когда у него в последний раз был собеседник, которому он мог все рассказать? И был ли он вообще?

Макс замер в ожидании расспросов.

– Хорошо, – с деланой легкостью согласилась я. – Если будет скучно, пиши.

Похоже, ответ был верным. Рука у меня на спине едва заметно расслабилась.

– Справишься здесь без меня?

– Ну, знаешь, – фыркнула я. – Мне этот вопрос даже родители не задают, еще с тех пор как в первый класс пошла... Прости.

Возможно, родителей упоминать не стоило.

– Что со мной будет? – беззаботным тоном продолжила я. – Посижу на лекциях, сходим с Райли на представление театрального факультета, она уже неделю стонет, что ей не с кем пойти...

При упоминании рыжей Макс еле слышно усмехнулся.

– Все будет хорошо, – заверила я его.

– Надеюсь, – он наконец отпустил меня. Медленно, словно сам не желая. – Тогда я

пошел.

– Давай, – я привстала на цыпочки, поцеловала его в щеку и тоже разжала пальцы, прекращая цепляться за его футболку. Мне и самой не хотелось расставаться. Недоброе предчувствие, проснувшееся сегодня вместе со мной, так и не отпускало. Впрочем, каким еще может быть предчувствие, если тут замешаны Охотники?

Он почти дошел до поворота, когда я не выдержала:

– Макс! Береги себя...

На его лице проступило такое удивленное выражение, что мне стало стыдно. Не за себя, за жизнь, которая так его поломала, что даже это простое выражение заботы вызывало у него подобную реакцию. Наконец он сумел улыбнуться.

– Ты себя тоже.

Глава 4

Любовь – это не главное

Макса не было дольше, чем пару дней. А судьба меня в это время упрямо продолжала сталкивать кое с кем другим.

На следующее утро после похода в библиотеку я сидела на своем рабочем месте в редакции и напряженно вглядывалась в выданный мне справочник. А вот и волшебный порошок... Формула, разработанная профессором Саффатом в семнадцатом веке, приводила заклинателя к призраку по предмету, которого он касался... и, к сожалению, как почти все мало-мальски действенные чары, была завязана на крови. Вздохнув и мысленно смирившись с кровопусканием, я осмотрела стол на предмет колюще-режущих предметов. Увы, даже ножниц не нашла. Степлер был, но я сомневалась в его пользе. Поиск по ящикам письменного стола дал еще пилку для ногтей и канцелярский нож, который я запихнула под стопку самых ненужных бумаг. После событий прошлой осени мне не хотелось на него даже смотреть, но...

Я закусила губу. Ох, к черту все! Боязнь канцтоваров плохо сочетается с мечтами о карьере в офисе. Надо от нее избавляться.

Порез получился неожиданно глубоким, и кровь сразу же закапала красным на стол. Магия во мне всколыхнулась, словно говоря «еще», «сильнее», требуя выпустить ее на свободу. Я предпочла проигнорировать эти призывы. Но, не желая тратить ее зря, поспешила переместить ладонь ближе к клавиатуре и прочитала заклинание.

В голове еще промелькнула мысль, как я буду после этого пользоваться клавиатурой и можно ли будет оттереть липкие пятна – или это помешает ритуалу? Но додумать ее до конца я не успела, потому что с последним произнесенным словом кровь впиталась в черные пластмассовые клавиши, будто ее и не было. Как удобно. И совсем не стремно...

– Идешь? – спросили меня от двери.

– Что? – я оторвала взгляд от клавиатуры и обернулась. В дверях стоял Жако с фотоаппаратом наперевес. – А, точно. Одну секунду. У тебя не найдется случайно пластыря?

О съемке в фехтовальном клубе мы договорились еще неделю назад, и было бы глупо переносить ее из-за какого-то эксперимента. Кое-как стянув ладонь бинтом, я поспешила за фотографом, надеясь, что результаты заклинания, если они вообще будут, доживут до моего возвращения.

Клуб встретил нас скрипом кроссовок по полу и странным танцем двух фехтовальщиков. Затянутые с ног до головы в белое, со скрытыми под шлемами лицами, две тонкие гибкие фигуры больше походили на инопланетян. Было что-то неестественное в их пластике и скорости. Люди обычно так не двигаются – на полусогнутых, под немыслимым углом уворачиваясь от удара... Один из них особенно впечатлял четкостью, почти математической выверенностью движений, и в то же время удивительной легкостью, с которой шпага мелькала в его руке. А вот противник выглядел куда человечнее: в грубых размашистых атаках чувствовалось раздражение, которое вот-вот выплеснется через край. Похоже, оно ему не помогало, первый фехтовальщик явно теснил его к краю дорожки, отчего ответные удары становились еще злее.

– Пойду, – коротко сообщил Жако, кивая на другой конец зала.

– Давай, – согласилась я. – А я посижу пока на трибуне, посмотрю, может, удастся с

кем-то из членов поговорить.

Полученное от Оливера задание – написать краткую статью о клубе спортивного фехтования – не радовало. Я ничего не знала о фехтовании, а просмотренные в интернете видео привели только к одному результату: заставили почувствовать себя полной дурой. Но деваться было некуда. Может, еще получится отделаться общими фразами об атмосфере и давних традициях?

Рассерженный студент тем временем отбросил в сторону шпагу и направился прочь, его соперник тоже куда-то исчез. Место на узкой дорожке заняла следующая пара. Наблюдая за ней, я и не заметила, как на скамейку рядом со мной сели.

– Если ты хотела узнать, обнаружил ли я что-то, могла бы подойти ко мне в комцентре. Необязательно было приходить сюда.

Запах нарциссов накатывал волнами, вместе со страхом и холодом. Точно, Диз же когда-то упоминал о фехтовании... И конечно, с моим везением я могла попасть в клуб только в тот день, когда он тоже будет тренироваться.

– Тебя можно поздравить с победой? – спросила я, полагая, что он был тем фехтовальщиком, со скупым и точным стилем... или как это правильно называлось.

В ответ на меня оскорбленно посмотрели. Все-таки ошиблась. Неловко вышло.

– погоди, – вспомнила я увиденный матч, – с каких пор ты стал левшой?

– В спорте это выгоднее, – пояснил он, запрокидывая голову и убирая влажные пряди с лица. В рукаве при этом стал виден провод с прищепкой, как и на воротнике сзади.

Вообще следовало признать, что если в мире и существовал мужчина, который не выглядел смешно в белом трико и гетрах, то он сидел рядом со мной. Смутившись, я отвела взгляд.

– Я здесь не из-за писем. В редакции сказали написать о вас статью. А я тут ничего не понимаю, – пожаловалась я, – даже следить не успеваю, а тренер уже кричит «Стойте!».

– Попробуй сосредоточиться на одном из противников, – посоветовал он мне. – На двух сразу новичкам сложно. Вот смотри, сейчас они на исходной позиции...

– А почему у них шпаги так гнутся? Так должно быть?

За этот вопрос я удостоилась еще одного сердитого взгляда серых глаз.

– Это рапира. Как их, ради всего святого, можно перепутать?

Легко. Я даже не знала, что они различались.

– Конечно, так должно быть, – буркнул Диз.

– А почему левый сейчас получил желтую карточку? Я вообще думала, что желтые карточки только в футболе.

– За то, что сделал вид, будто потерял равновесие, и упал. Если бы не прикидывался, Люку бы сейчас засчитали укол.

– Все равно ничего не понимаю, – опять вздохнула я, наблюдая за мельтешением клинков. – Это вообще один поединок такой длинный или уже следующий? Фехтовальщики вроде те же...

Диз, глядя на мои страдания, пересел еще ближе.

– Все тот же. Раунд длится три минуты, но от сигнала до сигнала, время между ними не считается. «Начинайте!» и «Стойте!», – уточнил он. – Сейчас Валерио опять их остановил, и они вернутся в исходную стойку... Нет, этот удар не считается, учитываются только уколы, нанесенные в торс. Идиотское правило, словно в жизни кто-то будет его придерживать...

Я вполуха слушала его объяснения. Для себя я уже сделала вывод, что все равно ничего

не пойму, даже если мне это знание вложат прямо в голову, но прерывать Диза не хотелось. Звучание его мягкого, монотонного голоса успокаивало. И не меня одну, кажется, – запах нарциссов становился все тоньше, и больше не хотелось бежать от него без оглядки. Наоборот, вспоминались наши ночные посиделки на кухне.

А ведь мне не хватало этого. Расслабленного голоса и длинных рассказов. Диза.

– А сейчас Люк нанес укол переводом, видела?

Нет. Не видела.

– Я скучала по этому, – неожиданно даже для себя призналась я, – по нашей дружбе.

Взгляд вновь позеленевших глаз встретился с моим, и лицо демона приобрело недоуменное выражение.

– Ты что-то путаешь, Нат, – наконец хмыкнул он. – Не было у нас тогда никакой дружбы. Как минимум с библиотеки не было.

А что было? Но я побоялась спросить. Тогда, может, дружбы не было, но сейчас, если я правильно расценила его слова, когда он представлял меня Бенедикту...

Сейчас у нас могло что-то получиться.

Напрасно я ожидала от клавиатуры чего-то сверхъестественного. Хорошая новость: внезапно проснувшийся аппетит к крови у нее больше никак не проявлялся. Плохая: действия заклинания я тоже не заметила.

– Жди, – велели мне библиотекарь, когда я пришла возвращать книгу. – Если хоть одно привидение ее коснется, ты об этом узнаешь.

– А если нет? Может, есть еще какой-то способ узнать, кто пользовался моим компьютером?

Бертрам, державшие в руках миску с сырым мясом, пожали плечами и предложили мне поискать его самой. Спасибо за помощь, называется. Найди в закрытой секции, где хранились десятки тысяч книг и шкафы постоянно меняли свое местоположение, то не знаю что... Я честно попыталась, но миссия оказалась невыполнима.

Оставалось только ждать. И думать над другими версиями – которые у меня отсутствовали. От идеи, что письма отправлял кто-то из редакции, пришлось отказаться. Не верила я, что кто-то из наших мог такое придумать. Оливер для этого был слишком рассеян, Моника – излишне серьезна, Жако – слишком прямолинеен, а Элли – чересчур практична, чтобы тратить время на подобные шутки. Розыгрыши были в духе разве что Кима, но я помнила его удивление, когда он получил анонимку, и мне оно показалось искренним.

Поэтому я терпеливо ждала и специально начала заходить в редакцию каждое утро и каждый вечер. Увы, изменений не было. Я даже не знала, как должна подействовать формула Саффата, справочник на этот счет давал лишь очень туманные и двусмысленные указания. «Ты поймешь», – было единственным, чего я смогла добиться от библиотекаря. Пока не понимала. Внимательно осмотрев клавиатуру со всех сторон и даже обнюхав ее (Моника, сидевшая над корректурой, странно на меня посмотрела), я в третий раз уже была вынуждена признать: ничего. Вздохнув, я пожелала Монике приятного вечера и отправилась по своим делам.

Постучавшись к Райли, я было собралась войти, как с другой стороны в дверь врезалось что-то тяжелое – и разбилось.

– Открыто! – тем не менее донеслось изнутри.

Осторожно приоткрыв дверь, я осмотрела комнату. Райли стояла с плойкой у зеркала, а

на кровати сидела Люси, ее соседка. Хмурая и крайне недовольная – кажется, я вычислила, кто решил разбить кружку о мою голову.

– Я не вовремя? – тактично поинтересовалась я, обходя осколки.

Спрашивать в открытую, чем я вызвала такое желание, я побоялась. До сих пор мой опыт общения с баньши сводился к одному правилу: меньше знаешь – лучше спишь.

– Уже выхожу, – заверила меня рыжая. Учитывая ее разобранный вид, верилось в это слабо. – Локоны или лучше распрямить? А помада? Красный или фуксия? Да, – спохватилась она и метнулась к шкафу, – я же о главном не спросила... Синее или бирюзовое?

Я послушно посмотрела на платя. Кто-то очень серьезно отнесся к нашему походу...

– Бирюзовое. Ты вообще со мной идешь или у тебя все-таки свидание?

– С тобой, – заверили меня. – Люс, а ты с нами не хочешь? Театральный факультет дает сегодня в амфитеатре вечер худших песен из мюзиклов, должно быть весело.

Не осуждайте. ГООУ находился в изоляции от внешнего мира, поэтому выбор культурной программы у нас был крайне ограниченным. Имелся кинотеатр на кинофакультете, курсы подготовки диджеев на музыкальном... Картинная галерея факультета искусств. Но я уже ловила себя на мысли, что с ностальгией вспоминаю шопинг и дешевые кафешки. Полгода в замкнутом пространстве – это сурово.

К счастью, Люси отказалась. Это было некрасиво с моей стороны, но я не смогла не обрадоваться: до сих пор я так и не поняла, как следует вести себя с человеком, предсказавшим тебе смерть.

– Так что это все-таки было с чашкой? – спросила я у Райли, когда мы выходили из общежития.

– Не знаю, – судя по легкомысленному тону, та в атаке не увидела ничего странного. – Она в последнее время вообще какая-то дерганая и мрачная. Еще более мрачная, чем обычно, я имею в виду.

Это, конечно, все объясняло.

Когда мы дошли до амфитеатра, половину мест уже разобрали. Организатор, одетый в белую тогу, сунул нам в руки по стакану с вином, и мы отправились искать свободные скамьи.

– Пожалуйста, перестань портить университетское имущество, – донесся до меня знакомый голос.

Рядом выше сидели Каталина, оживленно обсуждавшая что-то с парнем на соседнем месте, Диз и незнакомая мне брюнетка в армейского вида штанах и зашнурованных до колен ботинках. Девушка в это время что-то выцарапывала на мраморной ступеньке.

– Амфитеатр без граффити – ненастоящий амфитеатр. Разве ты не видел Колизей, Щенок?

Краем глаза я заметила, как Райли, нашедшая два свободных места, махнула мне рукой. Но не удержалась и еще раз посмотрела на девушку рядом с Дизом. У нее было странное, не остающееся в памяти лицо: мягкий овал в обрамлении остриженных на уровне подбородка волос... или резкие скулы? Классические черты или острый крючковатый нос? Даже глядя на нее, я не могла понять, как она на самом деле выглядит. Почувствовав мое внимание, брюнетка подняла голову, и я невольно сделала шаг назад. А затем поспешила присоединиться к Райли, смотревшей что-то в телефоне. Судя по выражению лица, новости были плохими.

– Что-то случилось?

Мой вопрос рыжая оставила без ответа. Как и прочие мои комментарии по ходу представления...

– Последняя песня была самой ужасной, – только категорично заявила она, уже спускаясь к выходу.

Наконец-то! Зная, как тяжело рыжей дается молчание, я за этот час успела испугаться.

– А мне понравилось, – возразила я, поддерживая дискуссию. Тайнственного молчания мне уже с Максом хватило. – Я вообще люблю «Танец вампиров».

– Двадцать первый век, сколько еще можно слушать про тайнственного и пугающего вампира, соблазняющего невинную деву?

Я с трудом подавила улыбку. Ох, Райли... Обычно она так на романтические фильмы – и даже на романтические мюзиклы – не реагировала, это была моя прерогатива. Так в чем же сейчас было дело?

– Ты просто не знаешь всей истории. На самом деле там идет классная деконструкция этой модели. Представь, во время самого романтического дуэта главный герой, молодой и полный идеалов охотник на вампиров, поет ей о своей любви. А главная героиня, которую ты невинной девой обозвала? О том, как ей надоело сидеть дома. Ей не нужен охотник, она видит в нем только средство сбежать от своей жизни. А когда она отправляется на бал к графу? Она осознает, на что идет, она сама поет, что знает, как это глупо и неправильно, но хочет она его.

Внизу я увидела знакомый темный затылок и салатовый ирокез рядом. О нет... Чуть не пропустив ступеньку, я восстановила равновесие и быстро опустила голову. Не надо меня замечать. Не надо!

– На самом деле она хочет опасности, – поспешно продолжила я, пока рыжая не заметила заминки. – Ужаса. Тьмы. И готова пойти на манипуляцию ради этого. Так что не знаю насчет инженю, мне она невинной не кажется.

– А чем эта история заканчивается? – скептически поинтересовалась Райли.

– Не очень весело, – признала я. – Охотники спасают главную героиню, но слишком поздно. Она уже стала вампиром и кусает влюбленного в нее охотника, а его наставник, который хотел спасти мир от вампирской заразы, даже не подозревает, что на самом деле выпустил ее на свободу. Скажем так, не Дисней. Но с такими героями никто и не обещал...

– Тогда ладно. А то у меня создалось впечатление, что мы уже не о мюзикле говорим.

– Что ты имеешь в виду? – недоуменно спросила я.

– Брось! Как будто я не видела, на кого ты все представление глядела! Высокий, темноволосый, привлекательный?

Значит, она не только на свой сотовый обращала внимание...

– Я смотрела не на него, а на девушку рядом с ним.

Не удержалась, вопреки первому испугу. Я уже привыкла, что в ГООУ многие выглядели людьми только под иллюзией. А с иллюзиями у меня после драконьей крови было плохо: стоило присмотреться, как они начинали таять, будто плавись в неровном свете свечи. Но тут было что-то другое, что не давало ее рассмотреть как следует... Что-то, что я не могла понять.

– Конечно, – не поверила мне Райли. – И у тебя наверняка была причина. Не хочешь рассказать, что происходит?

– Ничего, – заметив, что рыжую мое объяснение не удовлетворило, я добавила: – Правда. Мы с ним просто друзья.

– Друзья на друзей так не смотрят.

Я не сдержалась и закатила глаза. Это как же, интересно?

– В чем вообще твоя проблема? Помнится, в прошлом семестре ты, наоборот, всячески мне его советовала. Что ты там говорила про идеальных соблазнительей?

– И была права, как видишь! – возмутилась Райли. – После твоих недавних откровений мне за тебя страшно! Разве я тебе хоть раз советовала многомесечную влюбленность? Нет! Это вредно!

Кто бы говорил... С каждой минутой я все сильнее подозревала, что настроение рыжей было как-то связано с Тоби.

– Мы с ним друзья, – напомнила я. – Он сам так сказал. И вообще, он встречается с... – Я хотела сказать «с Эрикой», но сегодняшняя брюнетка ею явно не была. – ...с кем-то. А я – с Максом.

– Конечно. Только как ты там говорила? Она сама осознает, что это глупо и неправильно, но все равно хочет графа?

– Я говорила не про себя! – Кто-то в толпе толкнул меня, и я оступилась на последней ступеньке, с трудом удерживая в руке стакан с остатками вина. – Вот черт!

– Наташа? – стоявшая рядом Каталина обернулась на голос. – Привет!

Повторюсь: вот черт. Мысленно пожелав толкнувшему всяческих благ в загробной жизни, я вяло помахала свободной рукой. И ведь не скрыться теперь...

– Подожди секунду, я как раз хотела тебя кое о чем спросить! – латина вновь повернулась к брюнетке, с которой что-то обсуждала.

Ага, конечно. За исключением последнего моего визита в IT каждый раз, когда мы с Дизом в последние месяцы оказывались в одном помещении, у айтишницы, невесть по какой причине решившей, что было бы неплохо нас свести, находились очень важные и не терпящие отлагательства вопросы. Судя по насмешливому виду Диза, он подумал о том же. Я ему улыбнулась, за что получила еще один недовольный взгляд от Райли.

– Не подскажешь, что я ей успел сделать? – поинтересовался Диз, кивая на рыжую, вновь отвлекшуюся на свой телефон.

Я пожала плечами.

– Сама не знаю. Она с начала представления такая.

– Тогда все понятно, – согласился он. – Оно было отвратительно.

Еще один ценитель высокого искусства нашелся! Не выдержав неловкого молчания, я все-таки спросила:

– А где Эрика?

Вопрос его позабавил.

– С чего вдруг такой интерес к моей личной жизни?

Я не нашла, что ответить.

– Кстати, хорошо, что подошла, – сменил Диз тему. – Помнишь, когда тебе пришло первое письмо?

– Первого января, я же говорила.

– Во сколько?

Я честно попыталась вспомнить. В редакцию я тогда пришла около трех...

– Вы про что? – заинтересовалась вернувшаяся к нам Лина. Хорошо хоть, что Райли была слишком увлечена перепиской с кем-то, чтобы задать тот же вопрос.

– Про письма. А где?.. – Диз обернулся. Брюнетки нигде не было. – Она опять исчезла,

не попрощавшись?

– Не уверена, – наконец призналась я. Все-таки сколько месяцев уже прошло с того первого письма. – Думаешь, это имеет какое-то значение?

Диз помолчал, прежде чем ответить.

– Не знаю.

– Да ты издеваешься!

Следующая встреча стала для меня такой же неожиданностью, как и для него. Согласитесь, никто не ожидает встретить демона на занятии по русской литературе двадцатого века. Что он тут вообще забыл?

– Ты сядешь или так и будешь стоять? – предложила я, справившись с удивлением. – На нас уже смотрят.

Оглядев аудиторию (а выбор был небольшой: стул рядом со мной единственный остался не занят), Диз все-таки бросил сумку под стол и сел. А я уже думала, попросит кого-то поменяться местами...

– Зачем ты за мной следишь?

Я едва удержалась от того, чтобы покрутить пальцем у виска.

– Тогда что ты здесь делаешь?

– А ты? – ответила я вопросом на вопрос.

– Мессир Джонатан, – имя секретаря ректора Диз, как всегда, произнес с отвращением. – По его мнению, выбор предметов только по специальности не способствует гармоничному развитию личности. Эта лекция была единственной, подходившей по времени.

– У меня то же самое.

Внимательно изучив мое лицо, Диз кивнул. Будто я врала!

– Все равно не объясняет, почему я постоянно встречаю тебя, куда бы ни пошел.

– Совпадение, – предположила я.

– Два раза – это случайность. Третий – уже закономерность.

Потарабанив пальцами по столешнице, Диз вздохнул и устало потер переносицу под очками.

– Это все подозрительно напоминает прошлый семестр... – протянул он, без всякого перехода добавляя: – Мне нравится Эрика.

Внезапно.

– Рада за тебя, – только и оставалось мне ответить. – Она показалась мне милой.

Не оценив моих стараний, Диз хмыкнул.

– И когда же ты ее успела так высоко оценить?

Нет, он правильно сомневался; при нашей с ней единственной встрече я могла разве что разглядеть вызывающую зависть фигуру и лифчик, даже сейчас напоминавший мне о собственном несовершенстве (вот как некоторые люди умудряются кружево в повседневной жизни носить?), а никак не выдающиеся моральные качества и хороший характер, но...

– Это называется «вежливость», – недовольно посмотрела я на него. – Никогда не пробовал?

– А мне казалось, кто-то был за правду. Еще мне нравится моя работа.

Теперь я окончательно перестала понимать его логику.

– Ладно.

– Отсутствие проблем.

Кому это не нравится, интересно?

– И когда меня не втягивают в сомнительные авантюры, после которых половина моей жизни идет кувырком.

Так вот к чему он вел!

– Вот, значит, как ты помнишь прошлый семестр? – Потому что я была склонна воспринимать произошедшее осенью иначе. – А как насчет...

С громким звуком упавшая на стол между нами книга заставила прерваться и поднять взгляд на преподавателя. Ой... Посмотрев в один очень большой и очень серьезно глядевший на меня голубой глаз, я почувствовала горячее желание вцепиться в чью-то руку.

– Надеюсь, участвовать в дискуссиях на семинаре вы будете с таким же энтузиазмом, – неожиданно вежливо (для одноглазого-то чудовища!) произнес профессор и, тяжело опираясь на трость, пошел дальше по ряду.

Минуточку... Страх уступил место любопытству. Один глаз, хромой, работает на кафедре славистики... Я проследила за фигурой в вязаном жилете. Высокого роста, борода тоже присутствует, хотя и ухоженная... Неужели верлиока^[13]? Да нет, вряд ли. Или все-таки?..

От интереса даже желание спорить пропало. Ладно, если Диз думает, что я втянула его в какую-то, по его словам, сомнительную авантюру, пусть продолжает так считать. Да, я попросила его о помощи. Но еще предложила ему выход. Не надо выставлять все так, будто он – пострадавшая сторона. У меня вообще вся жизнь кувырком пошла, с какой стороны ни посмотри. Стащив томик у демона из-под носа, я прочитала название. «Мастер и Маргарита». Булгаков. Когда-то давно, как уже казалось, в прошлой жизни, мне так нравилась эта книга...

– О чем она? – со вздохом спросил Диз, похоже, тоже решивший не продолжать тот разговор.

Я задумалась. Как можно описать «Мастера и Маргариту» двумя словами? Невозможно, скажу вам я, и скажет любой другой человек, которого вы спросите.

О чем она? О гении? О Советском Союзе? О библейских ценностях?..

Я перелистнула страницы. «Я из-за тебя... потеряла свою природу и заменила ее новой...» Раньше я, наивная дурочка, любила эту цитату. Считала ее романтической. И только потом поняла, что менять себя ради другого – самая страшная ошибка. Потому что тот, кто по-настоящему любит, никогда не попросит у тебя такой жертвы, а тот, кто потребует, недостоин ее. И, как ни странно, осознать это помог мне в том числе не кто иной, как Диз, отнявший теперь у меня Булгакова и хмуро разглядывавший обложку...

И сердиться на него отчего-то уже не получалось.

Внезапно мне стало ясно, почему именно «Мастера и Маргариту» профессор выбрал для знакомства с русской литературой.

– О нас, – наконец сказала я. – Эта книга о нас. О том, что ведьмы могут быть милосердными, а демоны... демоны могут быть куда больше людьми, чем сами люди.

– Здесь говорится, что это великий роман о любви, – не согласился с моей оценкой Диз, внимательно изучавший аннотацию.

Приятно, что хоть кто-то не заметил моих терзаний. Я слабо улыбнулась.

– И о ней тоже. Только любовь... это ведь не главное, разве нет?

Его зеленые глаза встретились с моими.

– Наверное, нет. Не главное.

Телефонный сигнал прервал нас и заставил меня полезть в сумку. Ну где же... Нашла! Увидев на экране имя человека, отправившего мне сообщение, я расплылась в улыбке. Макс. А вот фотография с городской панорамой под весьма пасмурным небом заставила меня недоуменно нахмуриться. Где-то я ее видела... И Макс был уверен, что я ее узнаю. Точно! Площадь Роальда Даля в Кардиффе. Я быстро набрала ответ.

«Инопланетяне мимо не пробежали?»

«Тоже сразу вспомнила хаб? И я. А все твои сериалы...»

Несмотря на шутливый смайл в конце предложения, я предпочла сделать вид, что возмутилась.

«Мои? Вообще-то «Торчвуд» – такой же англичанин, как и ты!»

«Я валлиец».

Я знала. Не успела я прокомментировать это, как Макс вдогонку прислал следующее сообщение.

«И теперь даже это звучит как цитата оттуда».

Я отыскала показывающий язык смайлик и послала ему.

«Как ты?»

На этот раз ответ пришел с задержкой.

«Жив».

Это радовало. Как и то, что он вообще написал.

«Коннор передает привет».

Я снова разулыбалась. Приятно. Но не успела напечатать ответное сообщение, как Диз вполне ощутимо пнул меня под столом. Что? В ответ на мой ошарашенный взгляд айтишник, всем своим видом говоривший «Я умный и внимательный студент, посмотрите, у меня даже очки есть» (что выглядело бы правдоподобно, если бы я не заметила, как левой рукой он вслепую набирал под столом эсэмэску), еле заметно кивнул на циклопа-слависта. Тот как раз что-то закончил рассказывать и ждал от нас реакции. Понятно. Занятие началось, спуска никому не будет.

Улучив подходящий момент, я все же отправила Максу последнее сообщение.

«Передавай ему от меня тоже привет».

К концу четвертого дня я уже была как на иголках. Я не создана для ожидания, оно меня убивает. А никаких результатов не было. Справедливости ради, новых писем мне тоже не поступало. Одно пришло Жако, когда мы возвращались из фехтовального клуба. Мне – нет. А значит, чисто формально поводов сомневаться в действенности заклинания, подсунутого мне библиотекарем, не существовало.

Только ждать никаких сил не оставалось.

Возвращаясь с лекции, я притормозила у двери в нашу с Софией комнату и пыталась достать ключ, зацепившийся за подкладку сумки, когда услышала за стеной хихиканье. От неожиданности я даже замерла.

Нет, не показалось.

Любой, кто был с нами знаком, знал, что смех – не тот звук, который обычно доносится из нашей комнаты. По крайней мере, не когда я стою снаружи и размышляю, войти или лучше подождать. Из-за двери снова послышался незнакомый мне голос. Спугнуть Софию и ее гостя не хотелось, а именно это произойдет, если я сейчас вернусь и скажу, что занятие закончилось раньше, чем все ожидали.

Заинтригованная, я отправилась на кухню, где разложила на столе конспекты по демонологии. Кто бы ни находился у нас в комнате, рано или поздно ему – или ей – придется пройти к лифту, и тогда я его – ее – увижу. А пока... На кухне был кофе, молоко и дрожжи в холодильнике.

Как ни странно, первым по коридору прошел Диз. В обратную, правда, сторону от лифта. Потом вернулся и на автопилоте направился к кофемашине. Нажал на кнопку, привалился плечом к стене и закрыл глаза, намереваясь хоть минуту поспать, пока варится кофе...

– Совпадение, – заверила я его, когда он сделал первый глоток и наконец заметил меня.

– Ага, – он даже не стал спорить, только снова отхлебнул из кружки. – А ты что здесь делаешь? Опять кошмары?

Я покачала головой. К ним я за эти месяцы слишком привыкла, чтобы приходить на кухню.

– Кажется, у Софии свидание, – торжественно объявила я.

Демон вопросительно изогнул бровь. И где удивленные крики «Да ладно!»?

– Почему ты так решила?

Я кратко описала ему услышанное.

– Да, хихиканье – это, конечно, аргумент, – согласился Диз, из любопытства подсаживаясь ко мне. На стойку между нами упала толстенная распечатка под названием «Химеризм компьютерного кода. Причины и последствия». Я поспешила убрать из-под нее свои конспекты. – А голос был мужской или женский?

– Не знаю, – подумав, сообщила я. – Мог быть и женский, низкий только. А какой должен быть?

После полугода жизни в одной комнате с Софией я так и не знала ничего о ее предпочтениях. Она ни с кем не встречалась – но после того, что с ней случилось, это не удивляло. У меня были определенные подозрения, слишком уж натянутыми оставались спустя два года после ссоры отношения между Софией и Норой, главной по нашему этажу общежития, чтобы быть просто дружескими, но... доказательства у меня отсутствовали. Тем интереснее было бы узнать, кого она позвала к нам.

– Понятия не имею, – увы, Диз, хоть и был знаком с Софией дольше, тоже ничем не мог помочь. – Это ты готовишь? В духовке что-то странно пахнет.

О черт! Отвлекаясь на айтишника, я забыла о выпечке.

– Что на этот раз? – поинтересовался он, двигая распечатку, чтобы я смогла поставить форму на стойку.

– Бухтельн. – Сверху они сменили цвет с правильного золотистого на коричневый, оттенка курицы гриль, но в целом вроде не пострадали. – Это... булочки? Не знаю, бухтельн и бухтельн, в семье их всегда так называли. Это такое региональное блюдо, причем в зависимости от начинки можно понять, откуда рецепт. В Чехии их с повидлом или творогом делают, в Австрии – с маком или джемом, в Баварии – с изюмом или с целыми сливами...

[Купить полную версию книги](#)

Демоны в японской мифологии.

В корейской мифологии – духи-трикстеры, родственники европейских гоблинов. Обладают нечеловеческой силой, любят подшучивать над путниками, наказывают злых людей и награждают добрых.

Каталина имеет в виду брата и сестру (а еще любовников и родителей нескольких совместных детей) Джейме и Цирцею Ланнистеров, персонажей книжной серии «Песнь Льда и Огня» Дж. Мартина и сериала «Игра престолов».

Также известна как Минфа, или Мента. Нимфа, возлюбленная Аида (Гадеса), владыки Подземного царства мертвых. Была превращена в мяту и растоптана Персефой, супругой Аида.

Похожие на тюленей морские фейри из шотландского и ирландского фольклора.

«Изыди», «Иди прочь» (лат.). Средневековая бенедиктинская формула для изгнания Дьявола.

Один из древнейших алфавитов, клинопись, появившаяся в XV веке до н. э. на территории современной Сирии.

Письменность древних кельтов и пиктов, употреблявшаяся на территории Ирландии и Великобритании в IV–X веках н. э.

Вид казни в Древнем Риме, когда приговоренных безоружными выводили на арену против диких зверей.

Вид казни у викингов, при которой жертве делали разрез вдоль позвоночника и выламывали ребра наружу так, чтобы они напоминали крылья орла. Легкие при этом вытаскивались через разрез и вешались на ребра, а раны посыпались солью.

Джейн Остин «Разум и чувства».

Хутин («Мысль») и Муни́н («Память») – в скандинавской мифологии два ворона Одина, летавшие по Мидгарду (миру людей) и садившиеся ему на плечи, чтобы рассказать, что видели.

В восточнославянском фольклоре злой колдун-великан, одноглазый и хромой.